

Глаза краем звездной епанчи...
Комната, освещенная лишь двумя свечами,
исчезла, растаяла, ее не стало. Не только

ода! Я вижу, двое из вас
флакон, а двое — про-
играем его, ну хоть в фа-
тельно будет воля Божья
если я сам стасую колоду.
тот миг все переменялось.
Мультик сам себе протер

— Так фараон или штосс? — задал важный
вопрос Мей.

В фараон они могли играть вчетвером, а для

Даша Трускиновская

ставка была всего одна, и потому Маликуль-
мультик согласился: именно штосс.

А ему-то казалось, что для здешних немцев,
ни хоть какие гениальные шулера, игра

Ученица

на пуговицах Мея...

— Итак? — спросил Маликульмультик.

— Ну что ж, — первым ответил фон Дим-

Маликульмультик скосил глаза на графиню де
е. Она стояла у левого плеча Мея и улыба-
лась философу очень ласково и одобритель-
но. Рыбка говорила: я верю, что ради меня
все вместе всех!

— мечет? — спросил Мей.

— Удобно, я понтирую, — отвечал Ма-
ликульмультик, испытывая подлинный восторг от
шедевральной утонченности новеньких карт.

Затем он достал из колоды карту и, не пока-
зывая ее Мею, положил на скатерть лицом

Калиостро

Отложенной картой Маликульмультик разделил
колоду Мея пополам, тот поменял половинны
местами. Торжественный ритуал был испол-

Далия Мееровна Трускиновская
Ученица Калиостро
Серия «Иван Андреевич Крылов», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17074595
Ученица Калиостро: Роман / Далия Трускиновская.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-9533-3779-3, 978-5-4444-8016-8

Аннотация

Рига начала XIX века – скучная провинция Российской империи, населенная немецкими бюргерами, русскими купцами и латышскими крестьянами. Иван Андреевич Крылов – еще не знаменитый баснописец, но подающий надежды честолюбивый литератор – вынужден растрачивать молодые годы на государственной службе. Однако у Крылова есть другая, менее известная страсть – карты.

Поиски места, где идет Большая Игра, приводят Ивана Андреевича к некой таинственной француженке, графине де Гаше. Она называет себя ученицей великого Калиостро, знает толк в ядах и, кажется, владеет гипнозом. Графиня связана с компанией шулеров, о ее происхождении и планах доподлинно ничего неизвестно. Однако людей, попавших в сферу ее интересов, находят отравленными или считают пропавшими без вести.

Гениальный баснописец и гениальная авантюристка. Пересечение их судеб становится продолжением одной невероятной, но правдивой истории.

Содержание

Пролог	4
Глава I	7
Глава II	18
Глава III	33
Глава IV	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Далия Трускиновская

Ученица Калиостро

Пролог

– Входите, миссис Джонс, миледи ждет вас, – сказал мистер Дюбуа и улыбнулся.

Улыбка у него была дивная. Морщинки веером разлетались от глаз к вискам, сами глаза чуть щурились, и физиономия сорокалетнего джентльмена, невысокого и ничем не примечательного, становилась такой, словно знаешь этого джентльмена по крайней мере лет двадцать, была в него влюблена еще девчонкой, и не замечаешь тех перемен, за которые следует благодарить старца Время.

Однако они были знакомы всего несколько часов. Сара поняла лишь, что джентльмен, который обращается с простой швеей, как с герцогиней, один из тех французов, которыми теперь полон Лондон. Они часто называются простыми французскими фамилиями из обычного стыда – ведь среди них попадаются и герцоги, и графы, а каково графу ходить в изношенных башмаках, дырки на которых замазаны чернилами? Мистер Дюбуа, впрочем, был одет неплохо, только для француза чересчур ярко. И перстни на пальцах – шесть штук.

Его английская речь была забавна, многих слов он попросту не знал, а прочие выговаривал медленно и с некоторой тревогой – боялся, что честная английская женщина его не поймет. Но она поняла.

Дверь распахнулась, белая рука мистера Дюбуа совершила плавное движение, выразительнее слов сказавшее: сюда, глубокоуважаемая миссис; будь у меня лакеи, как несколько лет назад в моем парижском особняке, прием был бы куда торжественнее.

Сара неуверенно вошла в будуар и первое, о чем подумала: все это слишком роскошно, чтобы принадлежать честной женщине. Да и не станет приличная женщина встречать незнакомую гостью в неглиже, лежа на какой-то низкой, кривобокой, развратного вида кушетке – или как эта мебель называется?

Запах в будуаре стоял под стать хозяйке – одуряюще сладкий. Он был знаком Саре, так пахла коробка с дорогой пудрой, которая стояла на уборном столике у богатой кузины Мэри.

– Благодарю, друг мой, – томно произнесла миледи по-французски. Эти слова Сара поняла, а вот длинную фразу, все звуки и интонации которой обличали нрав капризный и ленивый, – нет.

– Миледи просит вас подойти поближе и повернуться, – перевел джентльмен.

Сара повиновалась. Собственно, это входило в условия договора. Если ее фигура действительно такова, как фигура миледи, то Сара будет получать деньги за сущую безделицу: два-три раза в неделю пощеголять перед зеркалом в новом дорогом платье, потому что слабое здоровье миледи не позволяет ей часами стоять неподвижно, пока модистка и портниха закладывают складочки и приметывают кружавчики.

– Благодарю, – сказала миледи и добавила несколько слов по-французски.

– Миледи очень довольна, ведь вы похожи на нее не только станом, но и личиком, – объяснил мистер Дюбуа.

Сара посмотрела на миледи – та улыбнулась обычной улыбкой благовоспитанной дамы, улыбкой, предназначенной для прислуги.

На вид этой особе было около тридцати, может, чуть больше. Ее волосы, накрученные на папильотки, сперва показались Саре черными, но когда миледи приподнялась и устроилась поудобнее, стало ясно, что они темно-русые. Черные брови неестественно выделялись на бледном лице. Странное сочетание, угольно-черные брови и невероятной голубизны глаза

– так подумала Сара, когда несколько спустя подошла к миледи поближе. Определить рост полулежащей женщины она затруднилась – но если Сару выбрали за сходство фигуры, то рост у миледи чуть больше пяти футов. Руки у нее были красивые, поразительной белизны – и опять Саре пришла мысль, что у честных женщин таких безупречных рук быть не должно.

Миледи снова сказала нечто по-французски, Сара разобрала только имя Мартина, и сделала выразительный жест, как бы выпроваживая мистера Дюбуа из комнаты.

Ее улыбка, адресованная мужчине, была прелестна; казалось бы, одно и то же движение губ, а какой разный смысл в нем заключается. Так подумала Сара, невольно проводив взглядом француза, и сразу вошла черноволосая коренастая горничная-бретонка.

Сара зашла с ней за ширмы, сняла свое простое платье и начала надевать дорогие нижние юбки, от которых так и разило развратом – для чего приличной женщине нашивать кружева там, где их никто и никогда не увидит? А женщина распущенная как раз норовит украсить белье, старается для любовника. Затем Мартина помогла надеть две верхние юбки, стянула талию Сары потуже и встала за спиной с жакетиком-карако, тоже неблагопристойным – он застегивался только вверх. Расправив нижние фестоны этого карако (из оливкового бархата, как и задняя верхняя юбка), горничная принесла огромную косынку и стала драпировать ее на груди у Сары. Тут Сара немного успокоилась, миледи оказалась все же дамой строгих правил и грудь прикрывала до самой шеи. Там, где концы косынки соединились, Мартина закрепила булавками заранее приготовленный сложный бант из золотистого шелка.

Затем она принесла головной убор. Отродясь Сара не надевала такого сложного сооружения из бархата, шелка и страусиных перьев. Конечно же она видела на улицах знатных дам в шляпах невообразимой величины, одна другой чуднее, но даже вообразить не могла, что самой придется терпеть на голове топорщащийся тюрбан, укрепленный на широком ободке. Этот ободок Мартина приколола к ее волосам длинными булавками, и еще несколько булавок загнала в тюрбан, чтобы его воздушные складки держались задорно и не опадали.

И карако, и косынка хранили тонкий запах, похожий на лаванду, но обогащенный какими-то загадочными оттенками и привкусами. Сара знала – так сохраняет аромат ткань, которую не брызгают нарочно из флакона, а она перенимает запах, сопровождающий хозяйку.

– Прекрасно! – воскликнула миледи по-английски, когда Сара вышла из-за ширм, и опять перешла на французский.

Легко встав со своей низкой причудливой кушетки, она подошла поправить Саре волосы. И тут стало ясно, что упрекать ее в развратном поведении рано: кружевное неглиже, кое-как запахнутое и издали словно накинутое на голое тело, было надето поверх странного белья, связанного из тонкой шелковой нити и облежавшего плечи и грудь миледи почти как ее собственная кожа. Нить была бледно-персикового цвета. Такую одежду Сара видела впервые.

По приказанию госпожи Мартина пошла за мистером Дюбуа. Он, войдя, произнес «О!» так, как это делают французы. А дальше началось непонятное. Оба, миледи и мистер Дюбуа, обратили внимание на стук, доносившийся издали. Мартина, повинувшись жесту хозяйки, поспешила к окну. Выглянула она не открыто, а прячась за белой занавеской.

И тут с улицы прозвучал зычный голос:

– Отворите, во имя закона!

Сара из любопытства тоже шагнула к окну. Внизу она увидела судебного пристава, который грозно молотил в дверь. Прохожие уже останавливались и задирали головы к окнам – всем было любопытно, к кому пожаловал пристав.

Миледи и мистер Дюбуа принялись спорить. Миледи кричала – так выкрикивают приказы. Мистер Дюбуа отвечал – так отвечают, когда нет сильных доводов и хочется хоть как-то

прекратить ссору. Сара уловила трижды повторенное имя – «Мак-Кензен». Она знала одного Мак-Кензена по соседству, он торговал модной мебелью. Развратная кушетка несомненно прибыла из его лавки.

Миледи подбежала к Саре и крепко обняла ее – так, что не пошевелить руками. Мистер Дюбуа обхватил женщину под коленями и приподнял. Сара завопила, пытаясь вырваться, и упустила миг, когда еще могла ухватиться за подоконник.

Вниз головой она полетела из окна – прямо на каменную мостовую. Толпа отвечала ей пронзительным визгом. Этот визг – и ничего более...

Судебный пристав окаменел. Люди отшатнулись, оставив Сару наедине со смертью. А из дверей выбежал мистер Дюбуа, кинулся перед изувеченным телом на колени и принялся звать уходящую душу с неподдельным отчаянием:

– Жена моя, о, моя жена!

Потом он изругал ошарашенного пристава так, что люди поняли: вся беда стряслась из-за небольшого долга, совсем незначительного для знатной дамы долга за мебель скупера-торговцу по фамилии Мак-Кензен. И, наконец, мистер Дюбуа взмолился о помощи – тем более что выскочивший из своей лавки парфюмер Лаваль предложил перенести умирающую к нему. Сара была без сознания и стонала. Окровавленный шелк прилип к ее лицу. Все понимали – жить она не будет. После такого удара о камни живут недолго.

Так в июне 1791 года оборвалась жизнь швеи миссис Джонс.

Глава I

Бригадирский галун

Лифляндский генерал-губернатор Сергей Федорович Голицын стоял у окна и глядел на скучную серую реку. Слева был наплавной мост, по нему тащились телеги. Справа шел от устья парусник. Прямо – плоский, как тарелка, левый берег Двины с амбарами на сваях, чтобы потоком не повредило коноплю и лен. У причалов – струги, этикие плавучие дома с округлыми крышами. Вот теперь изволь любоваться этим пейзажем, пока государь Александр Павлович не придумает тебе другого занятия. А государь и месяца не прошло, как короновался... или прошел уж месяц?.. Все одно – у него теперь иных забот хватает. Посадил преданного человека в губернаторское кресло, и до поры о нем можно забыть.

Резиденция Сергею Федоровичу сразу не понравилась. Она имела самый унылый вид. И плевать, что в ней уже чуть ли не двести лет сменяли друг друга губернаторы, сперва польские, затем шведские, наконец, российские. Что приятного в толстостенном замке на речном берегу, приспособленном под резиденцию, да не красивом готическом замке с башенками и шпилями, как их рисуют в книжках, а самом простом, имевшем форму квадрата, с двумя огромными башнями по углам? С северной стороны к квадрату прилеплен форбург, который на самом деле конюшня с каретником и немногими помещениями для людей, фасады кое-как приспособлены к современному вкусу – и изволь считать это неуклюжее здание резиденцией!

Хорошо хоть, старинных камней и кирпичей не видеть, замок одет в пристройки, как щеголиха в нарядный салоп поверх затрапезного платьишка. Лет двадцать назад к стене, выходящей на замковую площадь, пристроили четырехэтажный корпус – есть, где разместить присутственные места и губернаторскую канцелярию. Но сама площадь!.. Снести-то с нее деревянные хибары – снесли, а придать ей достойный вид позабыли. И сей пустырь у горожан почитается модным гулянием!

Супруга, Варвара Васильевна, тоже, разумеется, недовольна новым жилищем, но ее недовольство было всеобъемлющим. Даму изъяли из ее привычной обстановки, из прекрасной усадьбы, ненаглядной Зубриловки, с садом и всеми службами, где так хорошо на приволье вести хозяйство и растить сыновей. Даму поместили в крепость с узкими улочками, хуже того – в совершенно немецкую крепость. Варвара Васильевна – невеликая любительница светской жизни, но хоть изредка-то бывать в гостях и принимать у себя надо? А тут ее по воле государя замкнули, как в парижской Бастилии – та тоже чуть ли не посреди Парижа стояла, пока не разрушили. В церковь пойти – и то можно из замка не выходить, вон он, коридорчик, ведущий в домовый храм Покрова Богородицы. Очень скоро коридорчик пригодится, октябрь на дворе, начинается осенняя слякоть... в Петропавловский храм, что в Цитадели, дама шлепать по лужам не пожелает... разве что велит закладывать карету и везти себя к храму «Живоносный источник», что при госпитале... Нет, не велит! Будет сидеть злая в старинной хоромине и гонять дворню. Знатный норов, что и говорить!

Сергей Федорович вспомнил, как добрые люди советовали: не женись на рыжей! Оставь рыжую другому жениху; вон он, другой, красавчик Волконский – богаче, образованнее, в свете блистает. Голицын и ростом пониже, и левый глаз от рождения косит преужасно, приходилось щуриться, чтобы скрыть этот порок, и оттого вид у Сергея Федоровича смолodu был подозрительно насмешливый. А вот надо же – любимая племянница светлейшего князя Потемкина Варенька Энгельгард выбрала не Волконского, а Голицына, полюбился он ей, рыжей и своевольной, раз и навсегда. Светлейший охотнее-то отдал бы «улыбочку Вареньку» за Волконского, но с ней ведь не поспоришь.

Повенчались пятого января семьдесят девятого года – и двадцать два года были верны друг другу безупречно. Десять сыновей в семье – не шутка! Ни одной дочери, только мальчики: Григорий, Федор, Сергей, Михаил, Захар, Николай, Павел, Александр, Василий, Владимир. А с Волконским, несмотря ни на что, так и остались друзьями.

Сергей Федорович посмотрел в окошко: погоды тут не лучше петербургских, небо заволокло, дождь вот-вот прольется. Как подумаешь, так и вспомнишь добрым словом покойного государя Павла Петровича. При нем хоть и скрылись от опалы в Зубриловке и Казацком, а жили весело – сейчас бы там с утра по чернотропу с гончими в лес, где отъевшиеся к зиме зайцы. А тут не до зайцев, тут изволь исполнять служебные обязанности. Да и собаки в Зубриловке оставлены. Тоска... Одних бумаг – каждый день по пуду... Избаловались, сударь, в своей деревне! Извольте править государеву службу! Во всех войнах побывали, за Очаков из рук самой государыни шпагу с бриллиантами получили – теперь вот воюйте с обнаглевшим от собственной значимости рижским магистратом!

За бумагами, собственно, он и пошел самолично в канцелярию, да и не только – хоть живые физиономии увидеть! Что толку сидеть в мрачном кабинете?

При его появлении канцеляристы встали. Сергей Федорович особо поздоровался с Сергеевым – сообразительность и деловитость этого чиновника он оценил сразу, как только вселился в Рижский замок. Думал было поставить его начальником канцелярии, да решил: пусть подождет, сперва нужно сделать человеком Косолапого Жанно.

Если только вообще возможно сделать из медведя человека...

Все встали и поклонились, а сие дитя природы сидит, склонившись над столом, и старательно орудует ножичком. А что за наиважнейшее дело? А это наш Иван Андреевич срывает разнообразные сургучные печати с писем. Они его интересуют более чем содержимое!

Сергей Федорович, привычно щуря левый глаз, уставился на своего начальника канцелярии. Тот поднял наконец крупную голову – голову умного мальчика, кудрявого и полненького, этакого белокожего темноглазого купидона, тридцати трех лет от роду и семи пудов весом. Пожалуй, Косолапого можно бы и счесть красивым мужчиной, кабы не избыток сала, обволакивавшего его равномерно, как это бывает с медведем, собравшимся залечь в берлогу.

Впрочем, медведь, кажется, более опрятен. А по сорочке Жанно всякий скажет, чем он сегодня завтракал.

– Сергей Федорович! – воскликнул Косолапый, с трудом выбираясь из-за стола. – Вот, полюбуйте, нарочно для вас отложил!

Среди всей корреспонденции, с которой имела дело канцелярия, кроме важных депеш и донесений из столицы всегда попадалось несколько писем, вызывавших общий хохот. Всякий безумец, за кем не уследили родственники, норовил отправить прожект господину генерал-губернатору. Всякий обиженный магистратом русский человек из Московского форштадта искал у него справедливости, а как вчитаешься – сам же и оплошал. Начальник канцелярии, отодвинув стопку бумаг, несомненно более важных, чем смехотворное послание, отыскал лист, исписанный вкось, и прочитал казенным тусклым голосом (актер он был превосходный):

– «... после двух прошений о помещении моем к какому-либо месту, проведя еще четыре месяца в тщетном ожидании, дошел ныне до такого состояния, что для прокормления моего семейства не остается у меня более, как только споротый с прежних моих мундиров галун...»

Тут Косолапый Жанно сделал паузу. Очевидно, полагалось усмехнуться занятой выдумке просителя. Но Сергею Федоровичу вовсе не было смешно. Он посмотрел в глаза своему начальнику канцелярии и не увидел в них веселья, а только вопрос: поняли ли вы, сударь, что сие значит?

– Ловко, – сказал Сергей Федорович. – Кем подписано?

– Отставным бригадиром Петром Дивовым.

– Это он не сам изобрел, а кто-то его надоумил.

– Но как удачно сказано! Другой бы писал, что проливал кровь за отечество, что малые детки плачут, а этот одно выбрал – галун с боевого мундира. И более ничего не прибавить.

– Да и ответить отказом невозможно. Разве только окажется, что это догадливый мошенник.

– Я, коли позволите, завтра сам схожу и проверю, что это за бригадир Петр Дивов. Оно и для моциону полезно.

Сергей Федорович тут лишь вспомнил, что завтра воскресенье. Он сделал еще шаг к столу, чтобы говорить потише, не для посторонних ушей.

– Отстоим службу – и пойдешь. Вечером загляни-ка, братец, к Варваре Васильевне. А то недовольна...

– Да я уж сам собирался, – Косолапый показал на срезанную с письма печать.

Сергей Федорович покивал. Толковать о домашних делах в канцелярии он считал мове-тоном.

– Что, Иван Андреевич, более сегодня курьеров не было? – спросил он чуть погромче.

– Нет, ваше сиятельство, – так же повысив голос, отвечал Косолапый Жанно.

Кто его этак прозвал? Марин его прозвал! Но тот иначе изошрился: «Андреич косолапый». А «Жанно» – это уже кто-то из дам. А было сие... сие было на Рождество... Съехались немногие надежные гости, и их угостили презвительной шутотрагедией «Подщипа», которую Косолапый написал, балуясь и явно не опасаясь губительных последствий. Не выдержал долгого молчания – и разразился лихой сатирой. Сам же исполнил в ней главную шутовскую роль. Странно, до чего же он, во многих отношениях скромник, любит выставить на подмостках свою огромную фигуру и толстые ноги, ступающие вкривь и вкось.

Странно и другое – как он умудряется при такой склонности к сатире ладить с сильными мира сего? Ведь кто сосватал князю Голицыну сего причудливого секретаря? Ныне вдовствующая, а тогда – единственная российская государыня Мария Федоровна. Где-то кем-то он был ей представлен еще при матушке-Екатерине, потому что приятельствовал со многими из близких к «малому двору». Когда же государыня Екатерина изволила опочить и «малый двор» наследника неожиданно приобрел силу и власть, Сергей Федорович стал ждать больших неприятностей – все ж таки на племяннице Потемкина женат, а Потемкина новый государь Павел Петрович страх как не любил. И уже стало ясно, что придется уезжать в Зубриловку или в Казацкое. Тогда-то Мария Федоровна и рекомендовала Сергею Федоровичу этого самого господина Крылова в секретари. Зачем, почему – одному Богу ведомо! Может, даже без всякой задней мысли, а из простой благотворительности, пожалела драматурга, чьи пьесы не увидели сцены, журналиста, чьи журналы потерпели крах, поэта, переставшего писать оды и даже шуточные стихотворные послания. Пренебречь рекомендацией императрицы невозможно, тем более, с ее протекже князь уже был знаком и полагал, что особа с такими разнообразными дарованиями должна скрасить сельскую скуку. Компаньон – не компаньон, приживал – не приживал... да у кого из помещиков не обретаются по флигелям такие загадочные гости, прижившиеся бог весть когда? Не обеднеют, чай, Голицыны от лишнего рта.

А потом оказалось, что медведь, играющий на скрипке и неведомо зачем изучивший итальянский язык, способен заниматься словесностью с мальчиками и с воспитанницей Варвары Васильевны – Машей Сумароковой. И все, и с ним уже не расстанешься...

Еще бы помочь ему, чудаку, сделать наконец достойную карьеру. Должность начальника губернаторской канцелярии для этого весьма подходящая первая ступенька. Пьески пьесками, но мужчина должен служить. Вот разве что у него сто тысяч душ и в каждой

губернии по имению, да и то – не послужить смолоду в гвардии или при дворе считается как-то неприлично.

Так рассуждал князь Сергей Федорович, глядя на Косолапого Жанно, а тот уже косился на стопку конвертов из плотной коричневатой бумаги – не иначе, собирался продолжать свой благородный труд по срезыванию печатей.

Потолковав с Сергеевым, Голицын распорядился завершать трудовой день. Покамест еще светло и не хлынул дождь – пусть подчиненные идут к домашним очагам.

* * *

О своем прозвище медведь знал. Сперва почел его за дамскую шутку – кого только дамы не награждают прозваниями! Потом понял, что так обозначена его роль в голицынском доме. Понял, что Иван Андреевич он – лишь для дворни и детей, которым вызвался давать уроки. Для господ – Косолапый Жанно, и начхать им на его прежнее величие, на славу журналиста и музыканта, на несомненный талант, поэтический и драматический. Начхать. Мало ли, что у кого в прошлом! Нужны только те дарования, что пригодны для домашнего употребления. Ну что ж, горе побежденному, как говорили господа римляне. *Vae victis*.

Для княгини с дамами – Косолапый Жанно (хотя в глаза так не обращаются, и на том спасибо), для князя – «послушай-ка, братец», для Машеньки и мальчиков (а в Рижском замке и для подчиненных, с которыми он даже не знал толком, как обращаться) – Иван Андреевич. Только господин Крылов он теперь – ни для кого.

Сам для себя до поры – Маликульмульк. Давняя и любимая маска, изобретенная, дай Бог памяти, в одна тысяча семьсот восемьдесят девятом году. Двенадцать лет назад, однако. Сперва это был арабский волшебник в звездной епанче, потом просто философ (автор не знал, на что употребить волшебство, а вот на что употребить философию – как ему казалось, прекрасно знал). Наблюдатель, исследующий суету человеческую, глядя на нее свысока; читающий письма друзей своих – гномов, сильфов и ондинов. Изредка им отвечающий; изредка – потому что при созерцательном образе жизни с Маликульмульком ничего не происходит, и писать ему, в общем-то, не о чем. О том разве, как он сожалеет об убегающем времени и о своих дарованиях, которые не находят применения; а ведь могли бы принести ему честь и славу с сопутствующими деньгами!

Всякий талантливый выходец из провинции, берущий столицу штурмом, как Суворов крепость Очаков, именно так и ставит цель: сперва слава, потом деньги. А надо бы наоборот...

Маликульмульк покинул помещение канцелярии последним. Все печати, которые набрались за день, он осторожно и бережно сложил в конверт. Затем одернул обязательный для чиновника фрак и пошел по узким переходам во владения княгини Варвары Васильевны. Его-то как раз устраивало, что вся жизнь сосредоточилась в одном здании – тут и служба, и гостиная покровителя, и его собственная комната на третьем этаже башни Святого Духа. Истинный приют Маликульмулька! Плохо лишь, что лестница узкая и крутая. Сама комната же имеет вид полумесяца без одного рога – изначально была круглая, но поделена надвое. В ней два окна, которые зимой придется закладывать тюфяками, оба невелики, но каждое – в глубине амбразуры, изнутри широкой настолько, что хоть кровать ставь, а сама башня глядит на реку и продувается всеми ветрами. В рыцарские времена, столь милые сердцу господина Карамзина, там, в амбразуре, непременно сидела девица с рукоделием, настоящая сентиментальная дева, льющая слезы по убиенному в Святых землях жениху. Однако в комнате есть та польза, что никто туда без особой нужды не полезет. А окна... окна очень хороши на случай, если Маликульмульку придется принимать крылатых Дальновидов, Световидов или Выспрепаров...

Он тосковал немного по этой веселой потусторонней компании, по верным товарищам юных лет, летучим или имеющим способность бегать под землей. Тосковал по своей «Почте духов» – самому отважному журналу, какой только видела столица. Но их возвращение запоздало – переменилось время, переменился он сам. Они-то вернутся, но пожелает ли он встретиться?

Пожелает ли взять в руки новенькие опрятные книжечки – переизданный в столице свой самый первый, самый любимый журнал, который умудрялся выпускать в одиночку, сам писал статьи, сам трудился в типографии? О том, чтобы выпустить новое издание «Почты духов», он договорился еще летом, тогда обрадовался было, что его творение кому-то нужно, а теперь – Бог весть...

Берясь за бронзовую дверную ручку, он страхнул с себя заботы и выражение лица Ивана Андреевича – на сцену следовало выйти в роли Косолапого Жанно, чудаковатого кавалера, имеющего приятные светские дарования и вовсе не наделенного самолюбием. Но при этом – без малейшей угодливости. Кавалер по приказу княгини пришел развлечь общество музыкой, декламацией и своей забавной персоной. Ничего более.

Варвара Васильевна со всей свитой находилась в гостиной. Она уже успела пригреть несколько чиновничьих жен, а с собой привезла приживалок и компаньонов, в том числе Екатерину Николаевну (фамилию Косолапый Жанно благополучно забыл). Эта Екатерина Николаевна, тридцатилетняя вдова, была известна своей склонностью к изящным искусствам и отчаянно молодилась. На сем основании княгиня Голицына решила, что она и начальник канцелярии могли бы составить отменную пару. Разумеется, войдя, Жанно увидел ее возле Варвары Васильевны – так что приветствия и поцелуя ручек было не миновать.

Спасла его Тараторка – выскочила, как чертик из табакерки, и устремилась к любимому своему учителю с криком:

– Иван Андреевич!

– Мари, что за ребячество? Тебе уже четырнадцать лет, – одернула ее Варвара Васильевна. – Еще два года – и ты невеста.

Тараторка посмотрела на нее озадаченно – менее всего девочка думала о женихах. Она хотела похвастаться своим новым успехом: воробей, которого она везла в клетке из самой Зубриловки, наконец-то стал садиться к ней на палец с замечательным постоянством – всякий раз, как палец был предложен.

Имя Тараторки придумал Машеньке опять же Сергей Марин – когда в Зубриловке ставили его «перелицованную» трагедию «Превращенная Дидона». Что это было за веселье! Сам Сергей Никифорович приехал, чтобы исполнить роль Энея. А роль Дидоны для пущего смеха доверили Косолапому Жанно. Что это была за страдающая Дидона! Маша Сумарокова была травести, ей досталась роль юного Гетула. Взволнованная тем, что оказалась на одних подмостках с двумя знаменитыми сочинителями, она сперва так частила – на репетициях невозможно было разобрать ни слова. Вот и сподобилась прозвища, которое прилипло накрепко.

Вечер в дамской гостиной – не самое скверное времяпрепровождение, хотя приходится соответствовать пословице «И швец, и жнец, и в дуду игрец». Косолапый Жанно поиграл на скрипке – что же за вечер без музыки? Ему аккомпанировала на клавикордах Екатерина Николаевна. Потом он прочитал басню Лафонтена про мэтра Ворона и мэтра Лиса по-французски и маленькую невинную сказку Бахтина про барина и крестьянку – по-русски. Более по-французски читать не пожелал – он не любил этого языка, хотя знал его отменно, а вот немецкий ему в последнее время понравился, и Косолапый Жанно прочитал наизусть забавную басню Лессинга про Пастуха и Соловья. Не все дамы ее поняли, пришлось перевести. А затем в домашний концерт включились дети – самые младшие Голицыны и княгинина воспитанница Тараторка.

Варвара Васильевна царила, сама объявляла выступавших, кивала в такт стихам модным зеленым тюрбаном, подавала знак к рукоплесканиям. Видя, что княгиня и без него справляется, Косолапый Жанно потихоньку прошел в приватные покои. Они еще не были толком обжиты, многое не определилось, и он стал заглядывать во все двери в поисках приятельницы своей, няни Кузьминишны. Няня, пользуясь тем, что в гостиную для услуги не звана, пила чай со старшей горничной Настей.

Тут уж можно было несколько преобразиться.

– Я Николеньке подарок принес, – сказал Маликульмульк. – Что он, взаперти?

– С ним Федотка. А сам бы и отдал, батюшка? – няня с надеждой поглядела на канцелярского начальника. – Тебя-то он почитай что не боится.

– Как же не боится – прошлый раз прятался и кричал.

– Он уж дня два как спокоен, слава те Господи. Снадобье только в пузырьке кончается, что из дому привезли. Батюшка, сделай милость, поищи тут немца-аптекаря! Наш-то Христиан Антоныч никак не доедет.

Речь шла о домашнем докторе Голицыных, застрявшем в Москве.

– Что ж ты, Кузьминишна, раньше не сказала?

– Да пузырек-то темного стекла, дура Наташка не поняла, что зелье на исходе. Пойдем, батюшка мой, загляни к нему. Может, он тебя признает.

Шестой сын князя Голицына в детстве испытал такой испуг, что до пятнадцати лет никак не мог опомниться. Его привезли с собой в Ригу и держали в самой дальней комнате княжеских апартаментов. Кузьминишна повела туда Маликульмулька. Ему не очень хотелось видеть больного дитя; крупный, уродившийся в мать мальчик, бледный из-за отсутствия солнца в своей печальной жизни, непостижимым образом напоминал Маликульмульку его самого – хотя в пятнадцать лет сочинитель был еще тонок и даже почитал себя костлявым.

Пожилой дворовый человек Федотка, приставленный следить за мальчиком, вскочил с господской постели, где лежал развалясь. Николенька, увидев гостя, спрятался за кресла. Зная эту повадку, Маликульмульк выложил на стол подарок – срезанные с писем печати. Мальчику нравилось перебирать их и раскладывать в разном порядке, это его успокаивало. Но он не прикоснулся к игрушке, пока гость и Кузьминишна не вышли.

– А видишь, батюшка мой, он, голубчик, не кричал, не плакал, – сказала няня Кузьминишна. – Он тебя любит. Ты бы подольше с ним посидел – он бы сам к тебе подошел.

И поглядела так уж ласково, как умеют только очень старенькие бабушки, видящие в каждом милого внука, будь тот внук хоть семипудовым детиной.

– Ты велела бы хоть немного окна открывать. Хоть вечером, когда темнеет, чтобы его не испугать. Нельзя ж совсем без света.

– А это как матушка-княгиня прикажет.

Возвращаться в гостиную Косолапым Жанно Маликульмульк не пожелал. Он решил завершить вечер по-философски – в одиночестве.

Придя в башню, волшебник и философ уселся в амбразуре окна с трубкой. Он привез несколько хороших трубок из Москвы, а здесь приобрел особые – из белой глины, с долгим чубуком. Глядеть на закат и наслаждаться хорошим табаком – что могло быть приятнее? И молчать, молчать...

Впрочем, он и так молчал слишком долго. Что-то должно было произойти.

А что происходит, когда мужчина ощущает себя потерпевшим полный крах скитальцем, принятым в дом из милости, а затем пристроенным на скучную, но обязательную службу – из продления милости? Он может смириться – да ему и полезнее было бы смириться. Когда нет семьи, кроме младшего брата Льва, когда нет серьезного занятия, способного дать достойный заработок, когда отвергнуто много возможностей, потому что они

вступают в противоречие с гордостью сочинителя, когда осознаешь свой талант, а куда его применить – уже не знаешь, что тогда происходит?

Что-то взрывается в душе, выжигает ее изнутри, и остается некий чулан с черными стенками, куда хочется набить побольше денег. Раздобыть сто тысяч – и сказать самому себе, что хоть в чем-то преуспел.

И забыть наконец, что нищета однажды стала неодолимым препятствием для счастья!

Послание о бригадирских галунах показалось любопытным не только потому, что давало повод князю Голицыну совершить доброе дело. Если история эта – вопль души ветерана и инвалида, вострепетавшего перед голодной смертью, то благодеяние будет оказано и князь испытает чувство христианского милосердия, но начальник его канцелярии испытает чувство обиды: ошибся в человеке... Но когда обнаружится, что письмо – ловкая выдумка мошенника, тогда-то для Косолапого Жанно (Маликульмулька? Ивана Андреевича? Господина Крылова, черт побери!) и настанет праздник. Ибо в сем богоспасаемом городе мошенники ему необходимы. Только они могут привести в компанию записных игроков. В такую, где на кону – Большие Деньги, соответствующие Большой Игре.

Он не знал Большой Игры по меньшей мере четыре года.

То есть карты-то он в руки брал, но как брал? Примерно как медведь, танцующий на ярмарке для увеселения ребятишек. Вроде и сплясал, а пользы и радости с того никакой. Князь Сергей Федорович, даром что при государынином дворе возрос, а карт, смолоду наигравшись, больше не любил, предпочитал шахматы и обыграл бы любого. Косолапый Жанно садился с ним за доску, лишь чтобы время убить и удовольствие хозяину усадьбы доставить. И как-то следовало отработать свое прокормление – хотя государыня рекомендовала его в секретари, но как раз секретарь опальному князю почти не требовался, справиться с немногой перепиской помогал отец Маши Павел Иванович Сумароков.

Варвара Васильевна предпочитала «коммерческие» игры, не отказывалась порой и от «фараона», приглашая к столу своих фавориток из приживалок. Косолапый Жанно заведовал этим «дамским банком», был банкометом и ощущал себя профессором философии, сосланным в детскую менять пеленки младенцам.

А ведь играть он любил и умел. Однако первая, московская попытка отдаться игре оказалась неудачной – начал-то он, словно возмещая себе крах всех надежд в столице, замечательно, ярко и страстно начал. От первых успехов немного даже захмелел, даже махнул рукой на то, что пути в Санкт-Петербург по милости самой государыни ему больше нет, в Москве тоже можно неплохо устроиться, есть дома, где гостя готовы держать месяцами, – у Сандуновых, Татищевых, Бенкендорфов. Но как раз тогда полиция, обеспокоившись сильным всплеском карточного поветрия, составила целый реестр заядлых игроков и стала расправляться с ними поодиночке. После очень неприятной беседы пришлось покинуть и Москву...

Но в голове его уже образовалась некая триада, в которой все было меж собой увязано: любовь к музыке с любовью к математике, а из их родственного слияния проистекала любовь к картам. Карты требовали того азарта и постоянства, которые не доставались музыке (Маликульмульку не удалось найти ни в Донском, ни в Зубриловке партнеров, чтобы сыграть хоть простенький квартет Боккерини). Карты требовали математических способностей, которые тоже оставались без применения. Да и само слово «игра»...

Он играл – но не так, как актеры, хотя и этим талантом Бог не обидел. Он играл, создавая миры и мирки, прорубая между ними двери, проводя любимцев своих, Зора и Буристона, из людского царства в подземное и обратно, весело выстраивая во всех подробностях жизнь царства подводного. Тогда он был еще очень молод и полагал, будто в этих мирах и мирах можно безнаказанно бичевать пороки, для того их и создавал. Не вышло. За игру хорошенько дали по пальцам – так что карты с изображением милых приятелей, Буристона с

Зором, Дальновида с Выспрепаром, разлетелись по столу и сгнули во мраке. А добрый сочувственный голос покойной государыни, уже почти без немецкого выговора, произнес:

– Лучше всего было бы, когда б господин Крылов отправился завершать образование в хороший университет, хоть бы и в Дерптский. На некоторое время. Для такой надобности он получил бы вспомошествование... в разумных пределах...

Ну и надо было соглашаться! Сидеть на одном месте – в Дерпте, в Геттингене, в Йене, в Гейдельберге, где угодно! Действительно развивать свои способности, а не носиться бог весть где, чтобы потом застрять на три года в голицынской усадьбе. И теперь вот – неведомо насколько в канцелярии.

Душа, изнемогая от безделья, требовала, чтобы ей отворили двери, позволили выплеснуться. Ну, так пусть будет наконец Большая Игра! И Большие Деньги!

* * *

Наутро, отстояв вместе с княжеским семейством службу, Маликульмульк взял бригадирское послание и отправился искать сочинителя. Он вышел из Южных ворот Рижского замка в проулок, что вел от береговых укреплений к замковой площади, и встал у самой стены, произнеся тихонько: «Нуль». С нуля начинался всякий путь, имеющий быть выраженным в числах. Маликульмульк, даром что ходил медвежьей развалистой поступью, а двигался быстро и охотно обходился без экипажей. При этом он имел привычку считать шаги.

В Риге эта привычка оказалась даже полезной. Иного способа точно определить расстояния в крепости не было, поскольку узкие улицы пересекались под всевозможными углами и загибались внезапными дугами во все стороны. Путь от замка до Известковых ворот, который на глазок казался короче прочих, при измерении становился самым длинным из трех возможных. Нужно было только удостовериться, что рассчитанная несколько лет назад длина шага осталась прежней. Ибо она имела стремление к сокращению. Лет десять назад шаг юного господина Крылова был равен аршину с вершком, даже чуть поболее. Когда тело стал обволакивать жирок, толстые ляжки потребовали ставить ступни по двум параллельным линиям, между коими было почти три вершка. Увидев однажды собственные следы по грязи, Маликульмульк посчитал – и получилось, что на каждом шаге он теперь теряет более половины вершка. А в Риге, поди, уже следует считать шаг за один аршин, без всяких вершков.

Ему нужно было оказаться в Петербуржском предместье, на улице Родниковой, в доме унтер-офицерской вдовы Шмидт. Он и оказался, сделав две тысячи пятьсот шестьдесят три шага. Получилось неполных две версты.

Домишко был скособоченный, в два жилья и с чердаком – именно тут и снимать комнатушку отставному бригадиру с находящимися на его иждивении внуками. В этой части предместья жил люд небогатый: ремесленники, которых по причине происхождения отвергла Малая гильдия; латыши, входившие в свои особые братства; отставные солдаты; всякий загадочный народ, который слетается в портовый город, полагая, что там, на улицах, валяются золотые талеры и червонцы. В последние десять лет тут появилось немало французов, бежавших из беспокойного своего отечества туда, где не стоят на площадях гильотины.

На улице играли ребятишки. Услышав русскую речь, Маликульмульк спросил о бригадире Дивове. Ребятишки старика знали и побаивались – он ходил с толстой палкой и не любил шума под своими окнами.

– А где его окна?

– А вон, вон!

Подняв голову, Маликульмульк увидел частый переплет, а за стеклом – профиль. Молодая женщина, сидя у окошка, прилежно занималась рукоделием. Уточнив, где расположен

отдельный вход во второе жилье, Маликульмульк отыскал его во дворе и стал подниматься по узкой и крутой лестнице с хилыми перильцами. Лестница была пристроена к наружной стене кое-как, имела нечто вроде крыши, и Маликульмульк забеспокоился – не рухнуть бы ему с этих кривых ступенек и не накрыться бы сверху крышей, то-то получится знатный саркофаг!

Но доверху он добрался, вошел в крошечные сенцы, где едва поместился, и постучал в дверь. Ответили ему по-французски:

– Entrez!

Несколько удивившись, он вошел и оказался в крошечной комнатке, убранной очень бедно. Женщина, сидевшая у окошка, повернулась к нему. Взгляд был спокойный, с некоторой долей любопытства.

«Девушки так не глядят, – подумал Маликульмульк, – девушки пугливы, она непременно замужняя, получившая хорошее воспитание».

Женщина была на вид лет двадцати двух, темноволосая, гладко причесанная, без модных спущенных на лоб кудряшек, с самыми простыми чертами лица. Рот великоват, но она и не пыталась уменьшить его, сложив губки томным бантиком. И нос был далек от идеала, простой русский нос мягких очертаний, не похожий на античные образцы, а вот шея, не прикрытая воротничком или шалью, как раз оказалась достойна Минервы или Юноны, крепкая и сильная шея, не из тех, что никнут в бедствиях, как надломленные стебельки цветов.

Занятый незнакомкой, Маликульмульк не заметил старика, сидевшего в плохо освещенном углу.

– Вам что угодно, сударь? – окликнул его старик.

Голос был недовольный, выдающий человека, не привыкшего ни перед кем лебезить.

– Вы отставной бригадир Дивов? – спросил Маликульмульк.

– Я.

На седовласом старике, высоком и худом, был тот самый мундир со споротым галуном.

– А я – начальник канцелярии его сиятельства князя Голицына Крылов. Вчера было получено ваше прошение, и его сиятельство велел мне выяснить обстоятельства ваши.

– Вот мои обстоятельства! – старик указал на женщину.

Тут лишь Маликульмульк разглядел, чем она занималась.

На подоконнике лежали куски того самого золотого галуна, о котором писал Дивов, уже споротые с мундира. Ловкими пальчиками молодая женщина распутывала шитье, высвобождая отдельные нити. Затем она отделяла тончайшие золотые проволочки от шелка, складывая их в отдельную кучку, пока еще крошечную.

– Не хочу выжигам отдавать, надуют, – убежденно сказал старик. – Лучше уж так. Все нороят надуть, все! Вот ее чуть вокруг пальца не обвели!

– Батюшка! – укоризненно воскликнула женщина.

– Вот те и батюшка! Что хочешь говори, сударыня, а не пушу! И в обиду тебя не дам. Сиди, рукодельничай. На паперти просить стану, а тебя из дому не пушу.

– Соболаговолите, сударь, растолковать мне, о чем речь, – вступил Маликульмульк. – Чтобы я мог доложить его сиятельству.

– Коли прошение мое читали, так и самому ясно – впору пришло голодной смертью помирать, – отрубил старик. – У меня два внука от старшего сына, сейчас они на дворе играют. Старший в чине майора был с корпусом генерала Ферзена при Мацеевичах, ранен в ногу и в грудь, от ранений оправиться не сумел. Супруга его лишь на два месяца пережила. А сия дама – вдова младшего моего сына.

– Батюшка!..

– Вдова! Нет у меня больше сына, а у тебя – мужа!

Маликульмульку стало ясно, что перед ним семейная драма, куда как страшнее той, что он пытался изобразить смолоду в своих стихотворных опусах. Сказать было нечего – утешать он не умел.

– Я доложу о вашем положении его сиятельству. И позвольте откланяться.

– Ступайте, сударь, с Богом.

Маликульмульк вышел в узкие сени, страх как недовольный и собой, и норовистым стариком. Было что доложить князю – да, пожалуй, и княгине. Бригадир оказался доподлинный.

Стало быть, не мошенник и на мошенников не наведет. Разве на каких-то неподходящих – на булочника, что отказался давать в долг, да на соседок, которым невестка пыталась что-то продать, а они, сговорившись, сбили цену.

В некотором огорчении Маликульмульк принялся считать шаги обратно до Рижского замка, любопытствуя, сойдется ли цифра. Но на двухсот десятом его плеча коснулась рука. Он обернулся и увидел исцарапанные золотой проволокой пальчики, белое запястье, край шали.

– Господин Крылов! Простите, Христа ради!

– Сударыня, – сказал он, безмерно растерявшись.

– Простите нас, простите Петра Михайлыча! Он не гордый, поверьте, совсем не гордый, это от страдания... Не сказывайте его сиятельству, что мы вас так скверно приняли!

– Да я и не собирался, госпожа Дивова. Я скажу только хорошее. Князь исполнен милосердия... вас представят княгине, она также добра... рассмотрев дело вашего покойного мужа, найдут способ назначить вам пенсион...

– Мой муж жив, господин Крылов, – убежденно сказала бригадирова невестка. – То, что он ушел из дому и пропал, еще не означает его смерти. Я жду его, жду, что он вернется, поздно или рано. И записочки в церкви подаю во здравие. Батюшка сгоряча назвал меня вдовой. Он и сам верит, что Миша вернется. Он только сильно обижен на Мишу, это в нем обида говорит... Не вздумайте называть меня вдовой перед их сиятельствами!

– Боже упаси! – поклялся Маликульмульк. – Да что с ним стряслось-то? Скажите мне, хоть потихоньку. Может, есть способ как-то ему помочь, коли он жив.

– Ах, нет, не могу же я стоять на улице с чужим мужчиной. Это уж стыд и срам.

– Может быть, вы придете в замок? Спросите начальника канцелярии...

– Нет, нет, меня в замке знают! Разговоры пойдут, – госпожа Дивова беспокойно огляделась. – Да и бесполезно это. Его полиция не смогла сыскать... без подношений и угощений не ищут... а что у нас есть?..

Заплакав, она побежала прочь.

Философ поглядел вслед и внезапно усмехнулся. Зря он, что ли, столько лет пытался сделаться автором комедий? Зря выращивал из себя драматурга, умеющего сводить сложные движения человеческой души к смешным поступкам; драматурга, для коего мир – череда забавных и нравоучительных картинок, а люди движимы самыми простыми страстями, как персонажи пьес Молиеровых?.. И знать это вполне довольно, чтобы сплести интригу.

– Старуха, – сказал Маликульмульк. – Мне срочно нужна старуха.

Этого добра в предместье должно быть достаточно. Зря ли он, живя в столице, видел на театре столько лихих комедий? Мудрецу задали загадку – мудрец взялся ее разгадать.

Искомая тетка нашлась неподалеку от Родниковой улицы. Лет ей было за шестьдесят – тот возраст, когда отпадают последние помыслы о привлекательности. Она торговала поношенным платьем, и вид имела отчаянный – слонялась по улице, нахлобучив на себя старую офицерскую треуголку, перекинув через оба плеча в живописном порядке заштопанные чулки и какие-то тряпицы, в руках же имея преогромные драгунские сапоги, две пары. А уж что лежало в корзине – одному Богу ведомо.

– Поди-ка сюда, голубушка, – позвал Маликульмульк. – Дельце есть.

И обозначил это дельце именно так, как полагалось в комедиях: высмотрел молодую особу, невестку отставного бригадира Дивова, да увидел, что больно уж нос дерет, так нет ли способа с ней сговориться?

Природа не создала еще старухи, которая, услышав такие речи, откажется посводничать. Это Маликульмульк знал теоретически, из писем своих потусторонних приятелей, а сам такими услугами не пользовался. Столичные барыни в годах только тем и развлекались, что свадьбы устраивали, а уж уличная торговка и подавно не упустит такого любезного способа заработать деньги.

– И точно, батька мой, что нос дерет, – согласилась бойкая старуха. – Она ведь из богатых, в своем доме жила, горничная за ней ходила. Немец все бегал ей волосы чесать! А теперь – не угодно ли сухую корочку поглотить?

– А что за беда?

– А то и беда, что муж в карты проигрался. Я, грешна, тоже люблю в картишки перекинуться, так ведь меру знай! Видишь, что карта не идет – и уходи от стола прочь. А он, бес-таланный, все имущество проиграл, в долги влез, серьги женины, ложки серебряные – все из дому унес и спустил. Маврушка, их горничная, все рассказала, как ей от места отказали.

– И что же? Влез в долги и сбежал, чтобы не платить?

– А вот тут по-всякому говорят. Одни говорят: застрелился, окаянный, погубил душу. Другие – что сбежал с остатком денег, бросив жену с батюшкой своим. А батюшка-то крут! Крут, да недалек! Раньше надо было за чадушкой смотреть!

– И что, Маврушке потому от места отказали, что денег не стало?

– Так она сказывала. А что на самом деле – Бог весть.

– Где ж эта госпожа Дивова раньше жила?

– А на Мельничной улице. Ты, батька мой, спроси, всяк тебе бывший дивовский дом назовет.

– И давно ли она тут поселилась?

– Летом, я чай... – неуверенно отвечала торговка. – На Петра и Павла они уж тут, кажись, жили...

Сведения были утешительные, и Маликульмульк расплатился рублем. В Риге, стало быть, имелась компания игроков, которые горазды облапошить доверчивого молодого человека. Вот они-то и надобны...

Поход на Родниковую улицу выдался удачный.

Глава II

Лазутчик Терентий

Среди дворовых людей князя Голицына, которых он взял с собой в Ригу, был кучер Терентий. Местожительством ему определили конюшни, построенные при замке еще при шведах и ставшие тогда едва ль не основной частью замкового форбурга. Этот Терентий сперва был сильно недоволен голицынским гостем, вслух называл его приживальщиком и дармоедом, потом привык, а еще малость погодя осознал, что князь твердо решил стать покровителем неопрятного толстяка. Тогда отношение переменялось, кучер начал оказывать господину Крылову услуги – подбирать потерянные им бумажки, книжки и платки. И в конце концов Терентий увидел в этом щекастом вечном недоросле, неспособном себя прокормить, дитя без мамки. Увидел и подобрел окончательно.

Это чувство сам он называл жалостью. Надо пожалеть убогого, что кормится подаением у паперти, надо и того верзилу пожалеть, который в двадцать лет говорить не выучился и речи не понимает, так что его водят за руку, а он бредет, высунув язык; и безногого пожалеть надо, иначе ты не православный человек, а турок.

Косолапый Жанно стал предметом этакой ритуальной жалости кучера.

Разумеется, Терентий знал прозвище, которым наградили недоросля дамы. Насчет «косолапого» был полностью согласен, а насчет «Жанно» морщился: эта французская замена «Вани» пришлась ему не по нутру.

У хорошего барина дворня имеет немного времени для досуга, и в этом подражает господам: затевает чаепития, к столу приглашаются избранные, места у этого стола добиваются годами – ну, точь-в-точь, как в высшем свете. Однажды был зван и Терентий, по протекции всесильной няни Кузьминишны. Там-то и зашла речь о барском госте, толстом и неряшливом, но вполне годном в мужья. Хорошая-то жена его к порядку приучит, а на лицо он собой неплох, опять же – дородство многими ценится. Обсуждали затею барыни женить этого господина на компаньонке и спорили: пара они или не пара? Терентий в бабьей аргументации понял немного, но основную идею уловил и запомнил: недоросля надо женить, а то пропадет. Сам он был лишь восемью годами старше недоросля, но имел в деревне и жену, и шестерых детишек. На этом основании Терентий считал себя пожилым, всеми уважаемым и опытным мужчиной.

Воскресным днем госпожа княгиня собралась покататься, пока еще позволяет погода. После службы, попив чаю, она взяла с собой Екатерину Николаевну, еще одну компаньонку (в большей мере приживалку, но даму, успевшую немного пожить при дворе и приятную собеседницу), а также Машу-Тараторку и отправилась в Петербургское предместье. Там воздух был более свеж, чем в крепости, которая не всегда продувалась речным или морским ветром, мешали высоченные, не менее пяти сажен, валы укреплений и узость кривых улочек. Было также решено заехать в рыбацкий поселок, чуть ниже по течению Двины, и купить корзинку копченой рыбы.

Обратно дамы могли бы вернуться и берегом реки – самой короткой дорогой к замку, но и самой неудобной для щегольского экипажа. Поехали опять через предместье, выбирая те улицы, в которых еще не бывали. Там Терентий и обнаружил Косолапого Жанно.

Нedorосль стоял на углу и беседовал с женщиной.

Женщина, что соглашается разговаривать с мужчиной, стоя посреди улицы, либо дурно воспитана, так, что хуже не бывает, либо таково ее ремесло – отслеживать по улицам одиноких господ. Терентий сильно забеспокоился. Он, глядя на Косолапого Жанно свысока, сильно преувеличивал его простодушие. Терентий вообразил, как бестолковый и бедный

барин попадет в когти к искательнице приключений, как она, прознав про его чин, начнет ошипывать свою жертву понемногу, и как дело кончится растратой казенных денег, после чего мерзавка скроется, а Косолапый пойдет под суд. Картину он нарисовал жуткую – вплоть до каземата и кандалов, и на всю живопись ушло у него полторы секунды.

Терентий придержал коней, чтобы госпожа княгиня имела возможность увидеть нелепого волокиту. Она его действительно увидела, постучала в переднее окошечко, давая знак остановить экипаж, и ловкий Терентий сделал так, что расписная дверца распахнулась, едва не треснув Косолапого по спине.

– Иван Андреевич! Дождь собирается, полезайте в карету! – крикнула Екатерина Николаевна, повинуясь острому локотку своей госпожи.

Пока Косолапый со всей медвежьей грацией лез в экипаж, Терентий успел разглядеть соблазнительницу, которая сразу же отвернулась.

Постаревшая красotka, лет тридцати, причесанная на модный лад и в свеженьком чепчике. Платье на ней было подпоясанное под самой грудью, теплое, со складками, заложенными на спине и зашитыми до лопаток, ниже оно расширялось и билось на ветру. Такие платья княгиня заказала себе и своим придворным дамам в ожидании зимы. Запомнив место, Терентий дождался повеления ехать дальше. Ему страх как хотелось знать, что рассказывает Косолапый княгине об этой даме. Сам он понял, что это горничная из богатого дома, раз уж на ней такое хорошее и нарядное платье с хозяйкина плеча. Дом – неподалеку, потому что злодейка выскочила в чепчике, как ходят в комнатах, и даже без шали.

Она, стало быть, простая горничная, а Косолапый-то – из дворян! Вот так заморочит простаку голову и попадет в российские дворянки!

При этой мысли Терентий испытал знакомое чувство, которое не раз им овладевало.

Если бы он не сидел на козлах экипажа, а, напротив, имел перед собой слушателей, то воскликнул бы: «Душа горит, не могу молчать!»

И выложил бы все, что думает о вертихвостках и соблазнительницах.

Но ближайшие слушатели, способные его понять и присоединиться к этому горению, были в Рижском замке.

Вскоре Терентий очень осторожно и аккуратно въехал под огромную арку Южных ворот. Нужно было провести экипаж по целому туннелю в четыре сажени, затем сделать полукруг, а двор-то прямоуголен и невелик. И, наконец, высадить дам возле ступеней – хотя двор и мощеный, а грех позволять ножкам, обутым в атласные туфельки с тончайшей подошвой, ступать по кривым и косым камням. Вот десять лет назад у дам были иные туфли, с пряжками и каблуками, с подошвой твердой и прочной. А эти – за один бал их сгорают у дамы по две-три пары, остаются лохмотья. Так что и горничным отдать донашивать нечего.

Косолапый вышел из экипажа первым и помог спуститься дамам. С особой галантностью подал руку Маше Сумароковой – тут Терентий, напуганный той горничной на перекрестке, насторожился: уж не для себя ли растит девку этот увалень?

А увалень, который сейчас был Косолапым Жанно во всем блеске его талантов, сопровождал дам в сени и далее на половину княгини, мало беспокоясь, что скажет о том кучер Терентий. Он даже нес корзинку с копченой рыбой, и Тараторка обещала, что ему подадут эту рыбу к обеду особо, в самой большой тарелке. В набор светских талантов Косолапого Жанно входило и феноменальное обжорство.

Потом княгиня милостиво отпустила его, и он пошел прочь уже Маликульмульком, изучающим странную историю, в которую предстояло впутаться благодаря бригадирову галуну.

Найти горничную Маврушку Маликульмульку удалось без затруднений. Хотя семейство Голицыных и дворян считали его неповоротливым, но ходить он умел быстро, а рассуждал и того быстрее. На Мельничной улице ему указали бывший дивовский дом и намека-

нули, что хозяева-де разорились из-за карт. Дом был в три жилья, красивый, выкрашенный в розовый цвет. Стало быть, бригадирского сынка общипали настоящие мошенники – и знатно поживились. Вот их-то и желал видеть Маликульмульк со всем жаром души старого философа, лишённого иных забав, кроме умственных. Карты были забавой математической, требующей от игрока незаурядной памяти, и Маликульмульк заранее ликовал, предчувствуя увлекательные схватки.

Он, как будто сочиняя комедию с чудаками, прикинулся Сказкиным из своих же «Проказников» – сельским жителем с умом неразвитым, не обременённым городскими знаниями, но достаточно острым. Доверчиво глядя в глаза дворнику, он выпрашивал, куда же подевался его крестный Петр Михайлыч Дивов. Задавая дворнику разумно составленные вопросы, он добился наконец нужного ответа:

– Да одна Маврушка, поди, знает, куда они перебрались.

– А Маврушка где же?

– Нанялась к купцам Морозовым. Прибегала к соседской Федосье, хвасталась, как славно ей живётся.

– Где же мне искать Морозовых, старинушка?

– А на Романовне.

Надо сказать, что Маликульмульку повезло. В основном русское население Риги обитало в Московском форштадте, а в Петербургском больше жили немцы ремесленники и латыши. Но дважды подряд Маликульмулька благословила Фортуна (а кто бы другой о нем позаботился, раз в «Почте духов» все герои были нехристи, образовавшие престранное общество: оно состояло из римских богов, дожившихся до полной смехотворности, и благородных гномов с сильфами). Сперва русским оказался дворник, потом – население морозовского дома. Это сильно облегчало задачу.

Немецким языком Маликульмульк должен был бы, как волшебник и философ, владеть в совершенстве. Но раньше было не до того – да и что такое совершенство? Поселившись в Риге, Маликульмульк первым делом сыскал себе учителя-немца, потому что очень любил сам процесс освоения нового языка. Этому учителю он первым делом объявил:

– Почтенный герр Липке, я в грамматике и орфографии не нуждаюсь, довольно с меня было в детстве французских неправильных глаголов. Однако я готов биться об заклад, что ежели мы с вами начнем заниматься по моей методе, то через два месяца я заговорю довольно правильно, а через три смогу читать вашего великолепного Шиллера.

– Что же это за метода? – спросил озадаченный немец. – Кто изобрел ее?

– Да я сам и изобрел. Она состоит в чтении хорошей книги на немецком с переводом и комментариями. Все эти ваши существительные и глаголы улягутся в голове сами, без всякого насилия над памятью. Главное же – мы будем читать вслух и обсуждать прочитанное.

– Могу ли я хоть исправлять ошибки ваши?

– Пожалуй, да, – отвечал, подумав, Маликульмульк.

Он додумался до того, что совершенство в изучении языков – вещь сомнительная. Особенно когда речь идет о немецком. Этих маленьких княжеств, где говорят по-немецки, с полсотни наберется, и в каждом по-своему выговаривают, и в каждом свое понятие о правильной речи. И можно, набив полную голову склонений и спряжений, оказаться бессильным перед каким-нибудь господином из Баварии или Швабии. А вот если набивать ее просто словами и фразами, которые в ней застревают сами, то говорить будешь не столь правильно, зато весело и развязно. Так – больше надежды, что тебя поймут. А если цель достигнута и тебя поняли, какого еще совершенства желать?

Но до развязности было еще далековато, хотя понимать благодаря Шиллеру, Лессингу и Гёте Маликульмульк наловчился неплохо.

Морозовы, взявшие к себе Маврушку, появились в Риге не так давно. Откуда они взялись, где нажили свои богатства – никто не знал толком. Купцы-староверы из Московского форштадта, те хоть были всем известны и могли, отведя любознательного человека на Ивановское кладбище, указать ему могилы своих предков чуть ли не до времен царя Алексея Михайловича, при котором, собственно, и начался исход раскольников в Лифляндию.

Попав в богатый город и вздумав стать в нем людьми уважаемыми, Морозовы решили сгоряча, что для начала неплохо бы попасть в Большую гильдию. Теоретически русский купец мог там оказаться, а практически – все немцы Риги, не сговариваясь, принимались чинить ему препятствия. С Морозовыми было проще всего, поскольку они не могли доказать своего свободного происхождения. Скорее всего, их дед был-таки беглым крепостным, имевшим недюжинный талант к экономике. Но таланты к документам-то не подошьешь.

Морозов-старший уперся, нанял каких-то подьячих и желал добраться с жалобой на рижский магистрат до самого государя. Но умные люди предупреждали: не стоит. Четыре года назад уже была основательная стычка между лифляндским губернским правлением и магистратом. Правление предписало принять в рижское купечество вчерашнего крестьянина Борисоглебского уезда Федора Галактионова с сыновьями Николаем и Евграфом. А правительствующий сенат эту затею отменил особым указом, в котором лифляндскому губернскому правлению не разрешалось давать магистрату предписания, ограничивающие его права. Поскольку покойная государыня Екатерина сильно прижала рижский магистрат, ее упрямый отпрыск поступил наоборот: вернул ему прежние права, которые уже давно шли во вред растущему городу.

Как бы там ни было, Морозовым был по карману немалый штат прислуги. И Маврушку, оставшуюся без места, по чьей-то протекции приняли в хороший дом, где кормили до отвала.

Все это Маликульмульк выяснил, слоняясь по Романовне, в течение часа. Потом Фортуна, решив довершить благодеяния, выслала Маврушку на улицу – купить у разносчика две катушки ниток. Маликульмульк указали на нее, тут-то она и попалась!

На сей раз философ избрал иную роль – благородного отца из французской комедии. По возрасту вроде не полагалось, но человек, достоверно сыгравший страдающую Дидону, с ролью пятидесятилетнего мужчины справится без затруднений, благо и комплекция соответствует.

– Я хотел помочь бедным моим Дивовым, а попросту говоря – дать им денег в память давнего нашего знакомства и приязни, – сказал Маликульмульк Маврушке. – Но Петр Михайлыч едва не спустил меня с лестницы. Если ты, голубушка, сыщешь способ доставить им деньги так, чтобы обошлось без крика, то я уж отблагодарю.

– Это дело непростое, – отвечала горничная.

– А помочь бывшей своей госпоже хочешь?

– Хочу.

– Так придумай что-нибудь.

– А много ли денег ваша милость хочет ей передать? – спросила хитрая Маврушка, показывая, что маску благородного отца она с незнакомца сорвала и обнажила другую маску, старого сладострастника, желающего купить благосклонность попавшей в беду дамы.

Маликульмульк не возражал.

– Сколько удастся раздобыть, – кратко ответил он.

– А ваша милость, сдается, из чиновных?

– Сдается, да. Да только я не из своего жалованья Дивовым помогу, а из иных денег.

– Из каких же?

– Из тех, что выиграю.

– Ваша милость играет?

– Да кто ж теперь не играет? Ты мне подскажи, голубушка, где искать тех господ, что обыграли твоего барина, а прочее предоставь мне.

– Откуда ж мне знать?

– Знаешь, – уверенно сказал Маликульмульк. – При тебе барыня с барином ссорились, при тебе Михайла Петрович о своей игроцкой компании говорил.

– Это надобно Никишку спрашивать. Он за Михайлой Петровичем ходил.

– И где его искать?

– Не знаю. Право, не знаю. Как Михайла Петрович пропал, так и он, бес, сгинул! – сердито произнесла Маврушка.

– Тоже к другим хозяевам нанялся?

– В бега подался. Все ж знают, что он крепостной. Кто бы его без господского согласия взял!

– А ты, значит, вольная?

– Вольная. Старая барыня, помирая, меня отпустила.

– Вовек не поверю, будто ты не знаешь, куда подевался Никишка. Вы в одном доме жили, оба люди молодые, непременно о чем-то этаким сговорились, – сказал Маликульмульк, вовремя вспомнив, что во всякой хорошей комедии, начиная с Молиера, должен быть дуэт лукавых и кокетливых слуг.

– А о чем мне, вольной, с крепостным сговариваться? – высокомерно спросила Маврушка.

Маликульмульк поглядел на нее с любопытством. Не первой молодости, не замужем, а нос задирает не хуже бывшей своей барыни. Однако в голосе была обида...

Похоже, бросил. Он, крепостной, бросил ее, вольную, сбежал и от нее, и от господ.

– Явочную в полицию снесли? – любопытствовал Маликульмульк.

Ибо нынешние волшебники на одно волшебство не полагаются, как случится škода – не читают заклинания, а бегут в полицию.

– Снесли, поди...

– Я за этим делом сам присмотрю. Негоже, чтобы собственность моих приятелей неведомо где болталась. Вышколенного лакея можно хорошо продать. Хоть с булочником и зеленщиком расплатиться, – сказал Маликульмульк.

Когда Сергей Федорович додумался сделать из Косолапого Жанно начальника своей канцелярии, Варвара Васильевна сама присмотрела, чтобы новоявленный чиновник заказал себе достойный гардероб. Пока он еще не успел изгваздать новую верхнюю одежду и на улице гляделся достойным своего звания. А Маликульмульк еще умел сделать вид, будто сам рижский полицмейстер с утра сидит у него в прихожей с донесениями.

Маврушка улыбнулась. Маликульмульк и на театре не раз видывал эту хищную улыбочку, которая одна заменяла собой целую оду о возмездии. Значит, он верно догадался, и эта женщина будет ему помогать.

– А не могло ли быть так, что Никишка сгинул вместе со своим барином?

– Он потом пропал...

– А вместе с ним что пропало?

Улыбка сделалась шире, праздничнее. Вот теперь эта ведьма огласит такой список, что московская Оружейная палата вместе с государевым Эрмитажем ощутят себя нищими на церковной паперти.

– Ох, немало, батюшка мой...

– А не уволок ли он это добро по приказу своего барина?

Маврушка задумалась.

– Так ты, голубушка, припомни-ка мне всех знакомцев Михайлы Петровича, – строго сказал Маликульмульк. – А я, благодетельствуя этому бедному семейству, постараюсь отыскать Никишку и достойно его вознаградить за бегство. Ты меня поняла?

– Как не понять!

И тут раздался звонкий голос Екатерины Николаевны, зовущей Ивана Андреевича в карету.

Как и полагается, княжеский экипаж нес на дверцах герб – щит, обрамленный не чем-нибудь, а горностаевой мантией. Даже самая безграмотная девка должна была понимать, что сие означает. Опять же княжеская корона, венчающая щит. А все прочее добро – всадника, позаимствованного с литовского герба, стул с подсвечником и охраняющими его медведями, а также крест с двуглавым орлом – впопыхах никто разглядывать не станет.

– Я сыщу тебя дня через два, через три, – пообещал Маликульмульк и, не прощаясь, полез в экипаж.

Первые шаги в розыске игроцкой компании были сделаны. Он был уверен, что Маврушка не упустит возможности подгадить неведомому Никишке.

Обед у Голицыных был сытный – подавали щи, кулебяку, сига с яйцами и любимую Косолапым Жанно отварную стерлядь. Князю нравилось баловать своего «братца», но он не всегда мог уследить за дамами – в прошлом году на Масленицу они вдруг принялись потчевать обжору блинами, споря, сколько он может съесть в один присест. Кроме блинов простых, блинов скороспелых, блинов царских, блинов с припеками и подпеками подавались блины полугречневые – пышные, толстые, каждый с большую тарелку. И съел их Косолапый Жанно, поливая топленным маслом и сметаной, тридцать штук. Может, осилил бы и больше, но возмутилась княгиня.

Получив обещанную тарелку копченой рыбы, уже разнятой на филейки и почти лишенной костей, Маликульмульк углубился не столько в поедание местного деликатеса, сколько в свои размышления.

Погоня за Маврушкой разгорячила его. Он привык время от времени проваливаться в огненную пучину азарта; так было, когда он пятнадцатилетним написал целую комическую оперу «Кофейница» с корявейшими стихами – гонялся за рифмами и бешено мечтал о триумфе. Так было и с «Почтой духов», которую он выпускал в одиночку – сам писал все статьи, сам держал корректуру, сам живмя жил в типографии. Ничего не было, кроме этих писем от гномов, сильфов и ондинов – отчего в одну прекрасную ночь Маликульмульк ощутил присутствие в комнате любимца своего, Буристона, этакое деликатное покашливание над плечом, и понял, что нужно отложить перо и хотя бы сутки отдохнуть.

Но Маликульмульк философически смотрел на обстоятельства. Маврушка могла знать приятелей бывшего барина лишь по фальшивым именам – господа шулера редко используют свои собственные. А фальшивых можно завести хоть сотню. Стало быть, нужно вести розыск сразу по многим направлениям. Беглый Никишка – вот та ниточка, за которую стоит потянуть. Он-то наверняка знает немало о своем хозяине.

Но тут старухи бессильны. Старуха может быть посредницей в амурных шашнях, а о мужских делах у нее темное понятие. Нужно посетить ближайший к Родниковой улице кабак – если только в тех краях есть русские кабаки. Может статься, они только в Московском форштадте и попадают...

Копченая рыба заменила Косолапому Жанно десерт. Он посмотрел на дрожащее бланманже и понял, что хочет подольше сохранить во рту рыбный вкус.

Затем он вздумал совершить променады по укреплениям Рижского замка. На реку глядели четыре небольших бастиона; над одним из них возвышалась башня Святого Духа; трудно было найти более удачное место для одинокой осенней прогулки с размышлениями. Чуть застучат по мощеным дорожкам дождевые капли – как вот оно, укрытие.

– Позвольте, ваша милость! – к нему устремился кучер Терентий, почему-то оказавшийся на том же бастионе, и стал обирать с его суконного длиннополого редингота рыбные косточки (Косолапому Жанно казалось, будто он их складывал на край тарелки).

– Спасибо, голубчик, – сказал на это Косолапый Жанно.

– Вот так-то оно, когда живете бобыль бобылем, – упрекнул Терентий. – А была бы в доме хозяйка, не ходили бы в рыбьих костях или, как в прошлый раз, с яичницей на рукаве.

– Негде взять хорошую хозяйку, – как всегда ответил Косолапый Жанно.

– Да хоть какую, лишь бы за исподним и за всем прочим смотрела. Только чтоб не первую встречную. А то, бывает, чуть не посреди улицы знакомятся, попадутся на крючок, а потом и под венец, а потом весь век не знают, как избавиться!

Это было что-то новенькое.

Косолапый Жанно удивленно развел руками, а Маликульмульк сообразил, что кучер видел его с Маврушкой.

Тут-то и стало ясно, как Терентий оказался на бастионе. Следил, следил, хитрый черт. Непременно хотел высказать свою точку зрения на Маврушку. Грех было бы не воспользоваться таким случаем – в комедии благородный любовник непременно воспользовался бы. Вот только не бывает Леандров и Клеменов в семь пудов весом. Значит, пусть будет влюбленный Панталоне – если переводить на русский язык, то сей персоне нужно дать фамилию Беззубов или имя Дряхлов.

– А как же быть, коли приглянулась? – спросил Косолапый Жанно, делая страдальческое лицо.

И тут настал для Терентия миг величайшего взлета души. Он понял, что чудаковатый недоросль жалуется ему на свою неспособность самостоятельно устроиться в этой жизни, да не просто жалуется, а просит его помощи.

Терентий ощутил свою власть над Косолапым Жанно.

Он не собирался делать недорослю ничего дурного. Но ощущение власти ожгло его пламенным восторгом. Терентий мог спасти Косолапого Жанно, а мог и погубить. Разумеется, он пожалел и стал спасать – как мать или отец спасают дитя не только ради самого дитяти, но и потому, что это беспомощное создание принадлежит им полностью. У Терентия, человека крепостного, откуда-то взялось это чувство собственности. До сей поры он считал своими жену и детишек, господскую карету с лошадьми, горничную Фросю (хотя тут были многие сомнения). И вдруг оказалось, что он разбогател – ему теперь принадлежал недоросль, потомственный дворянин, умеющий играть на скрипке и съедающий полсотни горячих пирожков, если вовремя не остановить.

– Как быть? – переспросил он. – А разведать – кто такова, с кем жила! Такое на свет Божий полезет! И сами будете не рады, что связались!

Косолапый Жанно вздохнул, а Маликульмульк внутренне усмехнулся. Он уже давно примечал попытки Терентия, но не думал, что от них предвидится польза.

– Приглянулась... – мечтательно повторил Косолапый Жанно. – И я ей приглянулся...

– Да она в дворянки метит, негодяйка! Душа горит, не могу молчать! – вскричал Терентий, да так, что сторожевой солдат на бастионе резко повернулся к нему. – Нет, вы как знаете, а я ее на чистую воду выведу!

Маликульмульк удивился – как же ему, подневольному, это удастся? А Косолапый Жанно покачал головой, всем видом показывая: правда ему не нужна, нужна Маврушка...

– Сами меня благодарить будете! – Терентий чуть было не брякнул «ручки мне целовать», да опомнился.

Больше ничего особенного в тот день не случилось. А на следующий, отсидев сколько положено в канцелярии, Иван Андреевич отправился в аптеку – взять микстуру для Николенки и повидаться с новым своим приятелем.

Приятеля звали Давид Иероним Гриндель.

* * *

Их познакомил герр Липке, и они сразу друг другу понравились. Герр Крылов был немного старше герра Гринделя, оба были любознательны и азартны в работе, поняли это сразу, к тому же Гриндель неплохо говорил по-русски, что у немцев встречалось редко, даже у образованных. И оба были не настолько родовиты, чтобы по этому случаю задирать нос. Отец герра Крылова получил первый офицерский чин после тринадцатилетней солдатской службы, тогда же и сделался дворянином, а дед Гринделя, беглый крепостной, укрылся от своего барина в Риге и сумел заложить основы семейного благополучия – отец Давида Иеронима уже владел немалым имуществом и стал одним из первых латышей, получивших права рижского бюргера. Одному Богу ведомо, во что это ему обошлось.

До аптеки Слона, где трудился Давид Иероним, от Рижского замка было четыреста двадцать шагов, если идти от Южных ворот. Она считалась у рижан не только лавкой, где продают лекарства, но чем-то вроде клуба для людей образованных. Туда часто заходили учителя из бывшей по соседству Домской школы, в том числе и герр Липке. Бывали там и врачи, разумеется, и любители диковин, и журналисты, и даже проповедники из собора.

Маликульмульк вытер ноги о край каменной ступеньки у входа и вошел в помещение, сплошь уставленное высокими шкапами. Оно было невелико, но аптека имела задние комнаты, в которых ученики под надзором аптекарей готовили лекарства по рецептам и на продажу. Там же находился склад сушеных растений.

За прилавком стоял хозяин Иоганн Готлиб Струве. Даже не стоял – возвышался на фоне белых фаянсовых сосудов, выстроенных на полках ровными рядами. Многие имели картинки с надписями, прочие – опрятные наклейки с названием снадобья. К тому же они были расставлены в идеальном порядке: внизу, на уровне поясницы герра Струве, высокие толстые цилиндры с плоскими крышками; на следующей полке – цилиндры поменьше, и чем выше – тем занятнее становилась форма сосудов, включая кубки на крепких ножках и древнегреческие амфоры.

Пахло же в аптеке Слона так, что у Маликульмулька чуть слюнки не потекли. В одном из шкафов были выставлены на продажу кофейные зерна, порошок для изготовления горячего шоколада, коробочки с сахарным драже, бутылки с ликерами и бальзамами, включая бальзам рижский, черный и белый.

– Герр Крылов! – радостно сказал аптекарь.

– Герр Струве! – не менее радостно отвечал Маликульмульк.

Аптекарь был рад, что залучил к себе начальника губернаторской канцелярии. Он уже разузнал, что герр Крылов – лицо, приближенное к князю и княгине. А снабжать лекарствами столь знатных персон и почетно, и прибыльно. Значит, нужно предложить посетителю кресло и осведомиться о его здоровье.

Маликульмульк прекрасно понимал причину сей любезности. Но развлекаться, сравнивая рижского аптекаря с его собратьями из комедий Молиера, на сей раз не желал. Довольно было того, что Струве в его мире получил имя Ступкина – от каменных и медных ступок разного размера, включая ведерные, в которых ученики толкли в пыль сушеные травы, минералы и прочее загадочное добро.

Маликульмульк достал пузырек темного стекла и объяснил, что требуется именно это снадобье, успокаивающее больного и навевающее ему мирный сон. Герр Струве понюхал, догадался и обещал, что к завтраму лекарство будет готово. Тогда Маликульмульк попросил позвать Гринделя. Герр Струве, желая показать, как по-приятельски относится к начальнику канцелярии, пригласил его во внутренние аптечные комнаты.

Гриндель был занят каким-то опытом. На столе он соорудил сложную композицию из колб, реторт, стеклянных трубок и наблюдал за кипением мутного раствора и за каплями, которые падали из огромной воронки в подставленную посудину. Одновременно он беседовал по-немецки с человеком, в котором философ увидел своего ровесника. Оба они были в длинных белых фартуках, но тем сходство и ограничивалось.

В Гринделе чувствовалась крестьянская кровь и кость, про таких детинушек по-русски говорят: кровь с молоком. Свои светлые прямые волосы он стриг коротко. А товарищ его был, ни дать ни взять, француз, да и не парижанин, а откуда-то с юга. Темные волосы кудрявились, и овал лица совершенно нездешний, впридачу Маликульмульк отметил нос с горбинкой и синеву на щеках и подбородке. Этому господину явно не хватало одного утреннего бритья. Кроме того, Давид Иероним Гриндель был статным молодцом, а предполагаемый француз – субтильного сложения.

– Добрый день, герр Гриндель, – сказал Маликульмульк, оставаясь у дверей и близко к столу не подходя; он знал свою способность цеплять и опрокидывать предметы, казалось бы, стоящие на столах и подоконниках очень прочно.

– Герр Крылов! – воскликнул молодой химик, улыбаясь. – Вы кстати – мы с Георгом Фридрихом завершаем опыт и собираемся в «Лавровый венок». Идем с нами!

Это заведение Маликульмульк знал. Кормили там неплохо, наливали пиво из местных пивоварен. К тому же посетителям было безразлично, кто сидит за соседним столом. В «Лавровом венке» он охотно наблюдал жизнь в лучшем ее, застольно-кулинарном проявлении.

– С удовольствием.

– Мой добрый товарищ Георг Фридрих фон Паррот, – Давид Иероним сделал в сторону француза жест, который пристал тонкой и длиннопалой руке аристократа, его же крепкая кисть с толстыми сильными пальцами лишь смешно растопырилась. – Он приглашен профессором физики в Дерптский университет, а в Ригу приехал сейчас, чтобы поработать со мной и за покупками. Георг Фридрих, позволь представить тебе герра Крылова, начальника губернаторской канцелярии и доброго моего приятеля.

Паррот строго посмотрел на Маликульмулька и поклонился.

Сразу стало ясно – этот неулыбчивый мужчина обладает крутым норовом, не ведает компромиссов, но природный сильный ум удерживает в границах его дурное отношение ко всему, что он почитает злом и беспутством, например, к обжорству.

– Я вижу, вы сегодня весь день трудились, – сказал Маликульмульк.

– Да и завтра поработаем, – отвечал Давид Иероним, гася спиртовку под ретортой. – Но сегодня я хвалился своими достижениями, а завтра Георг Фридрих покажет мне свои.

Паррот тем временем уже снимал длинный фартук.

Сборы были коротки. Простившись с герром Струве, они вышли на Новую улицу, по Малой Новой добрались к ратуше и рыночной площади, а потом, какими-то непостижимыми закоулками, – к Петровской церкви. По дороге Паррот рассказывал, что возрожденный к новой жизни Дерптский университет пока нищ, как церковная крыса: не имеет ни химической, ни физической лаборатории, ни кабинетов, ни анатомического театра, а студенты меж тем уже кое-как учатся, и что из них выйдет – непонятно; не создала еще Природа гения, который, слушая одни лишь лекции, вдруг станет хорошим врачом. Так что в Риге им заказаны приборы и понемногу закупаются научные книги; как только все будет готово, он возьмет сыновей, которые здесь учатся в гимназии, и поедет в Дерпт.

В «Лавровом венке» Гриндель и Паррот устроили целый пир, Маликульмульку сказали – надо же наконец отпраздновать грандиозное событие: совсем недавно Георг Фридрих получил в Кенигсбергском университете докторскую степень.

За столом говорили о сахаре. Оба естествоиспытателя поведали Маликульмульку, чем они занимались перед его приходом. Говорил главным образом Давид Иероним. Паррот

позволял ему говорить, но, будь его воля, уж что-либо придумал – лишь бы избавиться от неопрятного толстяка. Маликульмульк поймал его взгляд, когда клок горячей тушеной капусты, сорвавшись с вилки, шлепнулся прямо на грудь, на новый жилет. Казалось, Парроту известно, что с ним за одним столом сидит не начальник губернаторской канцелярии, а Косолапый Жанно, «эй, братец» князя Голицына.

«Ну и наплевать, – подумал Косолапый Жанно. – Вон Давид Иероним рассказывает любопытное, надо слушать, кивать и есть».

Гриндель же говорил о том, что российские сахарные заводы работали на привозном сахаре-сырце из сахарного тростника, который обходился очень дорого. А может ли быть дешевым товар, который везут из-за океана? Но российские едоки распробовали лакомство, его требовалось все больше, и несколько химиков сразу стали искать иное «мануфактурное растение», которое давало бы столь же сладкий продукт. Еще полвека назад немец Маргграф, глядя зачем-то в микроскоп на корешки свеклы, обнаружил на тонких срезах кристаллы сахара. Он потратил какое-то время, получил сахар в достаточном количестве, чтобы предъявить его на заседании Берлинской академии наук, но ученые мужи задали разумные вопросы: это сколько же потребуется свеклы и сколько нужно будет развести свекольных полей? И не окажется ли доморощенный сахар дороже привозного? Так про это дело до поры и забыли.

– Сахар по сей день считается товаром, который мы собственным заменить не можем, – продолжал Давид Иероним. – Но в выигрыше от этой торговли оказываемся не мы, а другие нации. Тут простор их корыстолюбию. Сколько ж можно терпеть? И у нас все взялись изучать свеклу. Бидгейм в столице таких успехов добился, что его сахар от чистейшего канарского не отличить. В прошлом году покойный государь велел отводить земли в южных губерниях тем, кто хочет разводить свекольные плантации. Под Москвой некий господин Есипов в своем имении целый завод устроил. Мне писали, что у него пятьсот пудов свеклы дают пять пудов сахара. А мы чем хуже? Я хочу добиться наилучшей очистки сока смесью древесного угля и извести. И хочу также доказать здешним помещикам, что стоит сажать у нас ту же свеклу, что выращивают в Силезии, – там господин Ахард уже давно этим делом занимается.

Тут Давид Иероним пустился описывать свой метод и наговорил столько ученых слов – природный немец ничего не понял бы, а Маликульмульк лишь кивал, ожидая конца этого страстного доклада и не переставая закидывать в рот новые куски под холодным взглядом Паррота. Почему-то этот взгляд способствовал аппетиту. Да еще речи Давида Иеронима...

Он сам себе не признался бы, что странным образом завидует этому молодому, румянному, азартному, счастливому химику. Не потому, что тот был богат и отец давал ему деньги на учебу, обещал дать и на покупку своей аптеки. Деньги были где-то поблизости – найти бы только место, где играют! И не потому, что Давид Иероним был хорош собой, – этому Маликульмульк вообще не придавал значения.

Возможно, сие не вполне понятное чувство вызывало то, что Гриндель имел такую же увлекающуюся натуру, но не имел честолубия – и выбрал не журналистику, где слава приходит мгновенно, не театр, где слава приходит, вооруженная цветочными букетами, а химию. Кто его знает, кроме двух дюжин таких же безумных аптекарей и университетских профессоров? А он счастлив, что своими опытами может достичь их уважения. Отчего ему не нужна слава? Отчего он пренебрегает славой? Оттого ли, что никогда не был беден и мог себе позволить обходиться без честолубия? Не был мальчишкой из провинции, которому примерещилось лишь одно средство от нищеты – завоевать столицу?

Тому-то, верно, и завидовал господин Крылов из своего мистического изгнания, что герр Гриндель способен быть счастлив без всякой славы, бегая по аптеке в прожженном фартуке и потрясая закопченной ретортой. Но, не подозревая в себе завистника, он полагал, что глядит на химика снисходительно и свысока, словно взрослый на играющее дитя. словно

мудрец и философ Маликульмульк на жизнерадостного младенца с игрушками в виде хвостатой свеклы и сахарного петушка.

Сам он полагал, что Большую Славу можно удачно подменить в душе Большой Игрой, приносящей Большие Деньги. Однажды ведь получилось!

Жаркое оказалось пересушенным, и речь за столом зашла о других заведениях, где на самом деле хорошо кормят, а не злоупотребляют своим выгодным положением в городе, на Известковой улице. Давид Иероним вспомнил одно подходящее.

– Мы упустили время, – сказал он. – Сейчас двигаться в путь не то чтоб опасно, а просто неприятно. А вот когда на Двине встанет лед и извозчики наши извлекут из сараев санки, мы поедем в корчму «Иерусалим».

– Там играют? – сообразив, что речь идет о заведении вроде ресторана, первым делом спросил Иван Андреевич.

– Думаю, именно там и играют. Корчма достаточно далеко от крепости и от полиции. Она расположена в южной части Торенсберга – северную его часть уж лет пятнадцать как включили в Митавское предместье, а южная формально к Риге не относится. Вполне может быть, что в задних комнатах «Иерусалима» или в его гостинице идет по ночам игра. Кроме того, там недавно разбили парк у Мариинского пруда под названием Алтона, устроили гуляние. В случае аларма игрокам нетрудно будет скрыться через парк.

– Далеко ли отсюда?

– Если считать вместе с рекой – немногим более двух верст.

– А река шириной в полверсты?

– Полагаю, так.

Маликульмульк задумался – будет ли его шаг по наплавному мосту так же ровен, как по суше? Ему захотелось промерить мост своим способом, и он стал прикидывать, какова могла бы быть погрешность. Но следующие слова Давида Иеронима выбили у него из головы всю арифметику.

– Сейчас же, кстати, хозяину «Иерусалима» не до гостей – а дай Бог разобраться с полицией.

– Что там случилось? – спросил Паррот.

– В гостинице нашли мертвое тело. Похоже на отравление. Так что его отправили в анатомический театр и послали приглашение герру Струве присутствовать при вскрытии. А он отправил туда меня. Вот завтра с утра меня ждет неаппетитное зрелище.

– В Риге аптекарей заставляют смотреть на вскрытие тела? – удивился Маликульмульк.

– Если подозревают отравление. Считается, что мы разбираемся в ядах лучше маркизы Бренвилье или семейства Борджиа. Кроме того, кто еще в этом богоспасаемом городе занимается химией, как не аптекари?

– Маркиза Бренвилье пользовалась мышьяком, – сказал Паррот. – И это было бог весть когда.

– Еще двадцать лет назад у нас тут было отравление белым мышьяком, который привезли из Сакса, мне герр Струве рассказывал, – возразил Давид Иероним. – И еще была какая-то странная история с «лунным купоросом», который продали в аптеке Лебеда. Его нужно принимать по две крупички в четырех унциях вина при эпилепсии – старое испытанное средство. То ли больной решил, что чем больше – тем лучше, и сам за несколько дней опорожнил весь пузырек, то ли кто-то из близких решил избавить его от страданий. А признаки отравления те же, что и от мышьяка. Правды так никогда и не узнали.

Маликульмульк слушал и сопоставлял. В месте, где собирались игроки, невзирая на государев указ об истреблении карточных игр, невзирая также на указ покойной государыни, которым запрещались игорные дома и которого, кстати, никто не отменял, обнаружен труп.

Похоже, на кону были очень большие деньги. Но после такого события игроцкая компания, скорее всего, разбежалась и затаилась.

Уж не та ли, что обобрала Дивова?..

Паррот остановился в новой гостинице «Лондон». Маликульмульку это было по пути в Рижский замок. Простившись с Давидом Иеронимом, они молча пошли рядом. И Маликульмульк просто кожей чувствовал, как этот человек его не одобряет. Хотя причины вроде не было – в «Лавровом венке» расплатились вскладчину, политику не обсуждали. Разве что тот клок капусты.

Он уже сталкивался с такой внезапной и беспочвенной неприязнью. Он знал: что-то в нем есть, отталкивающее некоторых людей, невзирая на все таланты и дарования. Маликульмульк с этой бедой смирился – как философу положено смиряться с дурной погодой.

Оставалось только считать шаги.

Когда он в одиночестве подходил к Рижскому замку, начался дождь.

* * *

На столе начальника канцелярии собралась гора бумаг – большинство на немецком, несколько на русском. Это была переписка из-за человека, который такой суеты вовсе не стоил, – браковщика пеньки Иоганна Якова Циммермана.

Три года назад его назначили на эту должность потому, что так решил секретарь тогдашнего гражданского генерал-губернатора Нагеля. Магистрат же покровительствовал другому претенденту. Ратсманы действовали по старинке, словесно, Нагель же потребовал от них письменного представления в соответствии с письменной же инструкцией. Поскольку они вовремя не подготовили документов, то Циммерман и угодил в браковщики. За ним стали следить, прихватили его на неисполнении каких-то обязанностей, нашли свидетелей и по приговору ветгерихта, особого суда по торговым делам, браковщика с места погнали. Причем даже неясно было, имел ли ветгерихт право вообще рассматривать это дело. Однако магистрату этот приговор был нужен, и, соответственно, его утвердили.

Циммерман со своей жалобой дошел до столицы, до самой юстиц-коллегии, после чего вся эта история была спущена из столицы вниз – только что вселившемуся в Рижский замок князю Голицыну. Голицын уже знал, что такое рижский магистрат, и за Циммермана вступился. Опять началась переписка, опять одна кипа исписанной бумаги шла войной на другую кипу, и все это – на столе у человека, который ничего не смыслил в рижских обычаях и законах.

Для развлечения Маликульмульк читал проект о соединении реки Курляндская Аа с каким-то озером, от чего предвиделась польза для казны. Проект был написан по-немецки, и одолевать его приходилось с помощью лексикона.

Два дня канцелярия разгребала дело Циммермана, а ведь еще постоянно привозили депеши из столицы и нужно было готовить и отправлять ответные донесения. Маликульмульк понимал, что всех тонкостей канцелярской службы философу не осилить никогда. На помощь пришел Косолапый Жанно. Он выбрал верный путь: просто нужно догадываться всякий раз, чего хочет князь Голицын, и не морочить себе голову древними обычаями, имеющими тут силу закона со времен епископа Альберта, основавшего сей город. Потому что магистрат умнее уже не станет, а от князя многое зависит – да князь и не дурак!

А Маликульмульк напомнил себе, что все это – суета сует, и канцелярия пристанище временное. И, кстати, в голове образовался план пресмешной комедии на кулинарной основе. Так что полезно было бы половину всех этих кляуз на Циммермана как-нибудь потерять и сесть за пьеску. Тем паче за окном ливень, более развлекаться нечем. Разве что открыть в башне окошко и играть на скрипке ветрам и стихиям.

В такой ненастный вечер хорошо по-приятельски собраться за столом с почти незнакомыми людьми, приготовив мелки и запечатанные карточные колоды. И, плотно усевшись на стул, приступить...

Господину Крылову доводилось метать банк всю ночь напролет, почти не шелохнувшись, с сонным лицом, одни лишь пальцы стремительно выкидывают пары карт. Вокруг – волнение, крики, страсти, а он – как каменный истукан. Иначе нельзя ввести себя в неземное состояние, иначе не ощутить себя божеством азарта, супругом ветреной Фортуны. Но если пришло – карты в стасованной колоде сами перестраиваются нужным образом, начинаются чудеса и восторги Большой Игры. Это когда в банк или в фараон играют, они – доподлинно игры Фортуны, хотя есть всякие тонкости. А есть и коммерческие игры, столь любимые покойной государыней, до того любимые, что, запретив всей России играть на деньги, сама она играла на бриллианты.

В канцелярии и без того было не слишком светло, а как стало по-настоящему темно – душа затосковала о неведомой комнатке со столом посередке. Эта комнатка, возможно, ждала в гостинице «Иерусалим» на другом берегу Двины. Или ближе, в том доме, куда ездил играть Михайла Петрович Дивов, пока не проигрался в пух и прах. Вспомнив бедного Дивова с его прошением, Маликульмульк вспомнил и Маврушку. Хитрая субретка (знала бы русская горничная, что во французской комедии, сочиняемой философом, она – субретка!) могла бы немало рассказать о своем беглеце Никишке и его хозяине, скорее всего, покойном. Два дня было у нее на размышление, даже больше.

Отпустив подчиненных, Маликульмульк направился в гостиную княгини – где она еще могла проводить вечера? Ему хотелось повидать Тараторку с мальчиками и рассказать про сахар, добываемый из свеклы. Дамам также будет любопытно.

Но по дороге его перехватил Терентий.

– Я все узнал! – страшным шепотом доложил он. – Не про вас та девка! Мошенница! Воровка!

И иные слова употребил, соответствующие случаю.

– Не может быть! – воскликнул Косолапый Жанно, бедный доверчивый увалень, годный только развлекать дам в гостиной своими талантами и кротостью.

– Через нее-то вся беда и приключилась! А знаете, отчего ее из дому выгнали?

– Из дивовского? – спросил недотепа-недоросль.

– Знаете, за что ей господин бригадир оплеуху отвесил?

Дальнейшая речь Терентия была на первый взгляд бессвязна, но Маликульмульк догадался, что кучер (в комедии ему полагалось бы имя Проныр) все излагает задом наперед.

Рижская крепость была невелика, а Терентий, обуреваемый чувствами собственника (вот он всю жизнь Голицыным принадлежал, а теперь и ему кто-то принадлежит, да человек не простой, на скрипке играет!), вступил в такой магический сговор со временем, что Маликульмульку даже не снилось – философ все больше с потусторонними сущностями возился. Кучер отпросился на часок, показывая какой-то оборванный ремень и непонятные железки, грозя, что если не пустят – он за целостность господского экипажа не ручается.

И он действительно вернулся через час с новеньким ремешком и другими непонятными железками (все это с самого начала хранилось у него за пазухой). Но время растянулось, как тесто для венских штруделей, которое не всегда хорошо удавалось голицынскому повару. Казалось бы, липкий ничтожный комочек, а ловкие пальцы могли изготовить из него тончайшую простыню, так же и со временем – было бы горячее желание.

– Я вас научу! – грозно говорил Терентий. – Что бы вы без меня-то делали?! Вы как пойдете к ней, к ведьме окаянной, так вроде бы меж делом и спросите ее: а кто такая графиня де Гаше? Вот как вы спросите, она тут же начнет врать: что-де не знаю никаких графинь! А вы ей тут же в ответ: да как не знаешь, курвина дочь, когда на тебе вон сережки от той

графини? И тут она опять примется врать: сережки-де кавалер подарил. А вы ей: за что ж тебе кавалер подарил, за какие услуги? Покажи того кавалера! Она вам: это-де беглый Никишка! А вы ей: у Никишки денег на такие подарки отродясь не бывало, а сережки дала графиня де Гаше, чтобы ты к ней барыню свою отвела! Вот так прямо и говорите: знаю-де эту графиню де Гаше, ей не горничная нужна, чтобы по-французски говорила, а она веселый дом содержит! Вот отчего у Дивовых-то склока и брань вышла. Старик узнал, что Маврушка приходила Анну Дмитриевну к графине звать!

– Анну Дмитриевну? – переспросил Маликульмульк, а сердце беззвучно воскликнуло: «Анюта!»

Он и не подозревал, что в глубине души – однолюб. Сколько времени прошло, а стоило услышать имя «Анна»...

– Вы меня слушайте! – требовал меж тем Терентий. – Эта графиня, так ее и сяк, неспроста появилась. Они сперва с мужем барыни сошлась, с тем, что пропал. Их вместе в одном экипаже видали...

Тут Маликульмульк, словно бы захлопнув книгу с воспоминаниями господина Крылова, стал слушать очень внимательно.

– Она из той самой шайки, что младшего Дивова общипала. Мало им мужа сгубить – еще и жену хотят на дурную дорожку толкнуть!

– Графиня де Гаше... – повторил Маликульмульк. – Что же в Риге делает французская графиня?

Терентий только развел руками – этого он знать не мог. И предположил, что имя фальшивое, любая Матрена или Хавронья, наловчившись трещать по-французски, может выдавать себя за маркизу или графиню. Тут Маликульмульк с ним согласился, разъезжая по ярмаркам в поисках игроцких компаний, он и не на такие проказы нагляделся. Очень часто шулерские шайки возили с собой молодых и красивых женщин, богато одетых. Эти женщины тоже участвовали в игре, сбивая жертву с толку своей мнимой благосклонностью или попросту подсматривали в карты простака, передавая потом эти сведения тайными условными знаками. У него даже был неприятный случай, когда одна такая особа помогла его противнику отыграть выигранные Маликульмульком полторы тысячи, которые он считал уже своими, с прибавлением его собственных двухсот рублей. После этого Маликульмульк сделался очень внимателен ко всему, что могло показаться лишним в комнате, где шла Большая Игра.

– Стало быть, этот дуралей Дивов сошелся с мнимой графинею? – уточнил Маликульмульк. – Так, может, он все-таки жив и где-то у нее в алькове обитает?

– А на кой же тогда ляд ей дивовскую супругу к себе в горничные заманивать? – разумно спросил Терентий. – Да мне ее, курву, и обрисовали. Стара и тоща! Бабы-то все разглядят!

– Но, значит, богата, если за услугу дарит дорогие сережки?

– Да и не богата, своего экипажа не имеет, – отвечал Терентий с великолепным презрением.

О том, как он раздобыл важные сведения, Терентий умолчал, а Маликульмульку и так было ясно – бравый плечистый и дородный молодец (иного кучера у Голицыных и быть не могло) пустил в ход все свое простонародное обаяние и не старух вылавливал на улицах Петербургского предместья, а, наоборот, молодец. Ну что ж, на то она и комедия: философ действует через ловкую старуху, а лакей Проныр – через не менее ловкую субретку.

– Стало быть, все полагают, будто она – хозяйка веселого дома?

– А на что бы она еще сгодилась? Маврушку вашу ненаглядную не сманивает же к себе жить! А госпожу Дивову сманивает!

Этим хитрый Терентий хотел сказать недорослю: Маврушка-то до того дурна, что ее и в шлюхи не зовут.

– То бишь, она с Дивовым ездила в наемном экипаже? А не было ли в том экипаже еще других мужчин?

Терентий пожал плечами.

Стало ясно, что пора выводить на сцену Косолапого Жанно, обжору и простофилю.

– Ты уж прости, братец мой, но пока не увижу своими глазами графиню де Гаше посреди беспутных девок – не поверю. Может статься, она госпоже Дивовой добра желала, а Маврушка про это знала...

– Ну, так придется нам с вами ехать в «Иерусалим»!

– Куда?!

– В «Иерусалим», я узнавал – это корчма на том берегу.

– С чего ты взял, что графиня там живет?

– Добрые люди сказали. Видели, как она Маврушку с собой увозила в экипаже. А потом Маврушка хвалилась, что была на том берегу в самой дорогой ресторации, куда рижские богатеи кутить ездят. А привезли-то ее оттуда одну. Графиня-то, выходит, там осталась.

– Та-ак... – сказал Маликульмульк.

Вот теперь следовало поскорее отыскать Давида Иеронима и узнать у него, чем кончилось вскрытие в анатомическом театре.

Глава III

Пятерка отравителей?

– Это был немолодой уже господин, лет сорока пяти или более, – сказал Давид Иероним. – Сложения очень плотного, весь порос черным волосом. По бумагам – Карл фон Бохум, а на самом деле он чуть ли не турок, нос крючковатый, брови густые, глаза черные... И голова плешивая, носил парик.

– И точно ли отравлен?

– Точно. Все приметы налицо... – Давид Иероним выжидающе поглядел на приятеля в надежде, что тот замашет руками, умоляя избавить от грубых подробностей. Но философ – не светская дама, и химик продолжал: – В пищеводе и в желудке – воспаление, в желудке оно выражено сильнее. Содержимое – бурое из-за большой примеси крови. В печени – темно-красные прожилки, в легких – отек, лимфатические узлы также отечны... Затем – в содержимом желудка мелкие белые крупинки, как если бы истолкли в порошок фарфоровую тарелку. А уж с ними мне доводилось иметь дело.

– Мышьяк?

– Ангидрид мышьяка. Тоже сомнительное лакомство...

– Не было ли еще одной особенности? – спросил Маликульмульк.

– Какую вы ждали услышать?

– Этого господина вряд ли мыли в ванне, прежде чем уложить на стол в анатомическом театре. Может быть, вы, милый Давид Иероним, заметили – кончики его пальцев могли быть выпачканы мелом.

– Да, это правда, – согласился Гриндель. – Видимо, перед смертью играл в карты или в бильярд. Я просто не думал, что вам это будет любопытно.

– Очевидно, есть подозреваемые?

Беседу эту они вели прямо в аптеке Слона, куда Маликульмульк явился сразу после урока немецкого языка. Герр Струве куда-то ушел, оставив заведение на Гринделя. Поскольку велись переговоры о том, чтобы молодой человек, его ученик, в ближайшем будущем выкупил аптеку, герр Струве был уверен, что Давид Иероним прекрасно обслужит любого посетителя. Так что молодой химик сидел по одну сторону прилавка, Маликульмульк – по другую, и оба пили ароматный кофе, закусывая печеньем. Из задних комнат доносился стук, двое учеников толкли в ступках какие-то зелья.

– Трудно сказать – тело нашли в номере примерно сутки спустя после смерти. Тот, кто отравил этого господина, уж, верно, далеко успел убежать.

– А не выиграл ли господин фон Бохум накануне большой суммы денег?

– Я не знаю. В номере, кажется, таких денег не обнаружили – а то бы уж все об этом кричали. Вы полагаете, его отравили, чтобы забрать выигрыш?

– Да. Именно так я и полагаю.

– Этим делом занимаются полицейские сыщики, – как-то неуверенно сказал Давид Иероним. – Я надеюсь, они всех расспросят и поймут, кто был отравителем...

– Возможно, тот, кто сутки назад съехал из гостиницы, не заплатив, так торопился...

– Неужели вам так все это любопытно?

– Пожалуй, да...

Химик задумался.

– Поиски убийцы, возможно, могут быть занимательны, – согласился он, – но, с другой стороны, чаще всего они просто скучны. Сыщику приходится расспрашивать множество народа, записывать показания, сверять их, бродить по окрестностям, и, наконец, он находит

преступника – дурного человека, который соблазнился деньгами. Что бы ни попадалось по дороге, результат один – дурной человек. А вот мы с Георгом Фридрихом ставим опыты – и сами не знаем, что получится в результате. Мы открываем новые сущности, о которых раньше никто не ведал. Скоро Георг Фридрих придет, и мы сегодня, Бог даст, узнаем кое-что новенькое о гальваническом токе.

– Узнаете, а потом?

– Напишем статью в почтенный журнал, выступим с докладом в столице.

– А потом?

– Будем развивать свой успех! Вот что хорошо в нашем деле! Сыщик поймал своего дурного человека, а на следующий день все начинается сначала – другое преступление и другой злодей. А мы продолжаем свои исследования с того места, на котором остановились, и продвигаемся вперед. Человек не должен ходить по кругу! – убежденно воскликнул Давид Иероним. – Если Господь дал ему разум более острый, чем у соседей, он должен двигаться вперед и только вперед!

На это Маликульмульк ничего не ответил. Ему стало жаль химика. Вот сам он, явившись в столицу, именно так и видел свой путь – вперед и вверх, опираясь на силу своего таланта! И что же? Расшиб башку о потолок. Написать «Проказников» лучше, чем они написаны, он не может – но забыты все связанные с ними скандалы, а пьесу так и не поставили. Играть на скрипке лучше, чем играл четыре года назад, не может – но и тогда он не достиг славы Хандошкина. То есть Господь во благости своей ставит зачем-то непреодолимые барьеры – будет такой барьер и у симпатичного Давида Иеронима, всему свое время...

Очевидно, нужно выбирать как раз то, что принесет результат сразу. Ты схватишь этот результат жадными руками, а завтра сделаешь то же самое, и послезавтра, и через год.

Математические способности – именно то, что требуется для Большой Игры. Их и надо развивать, а прочее – милые таланты как раз такого размера, чтобы блистать в гостинице у Варвары Васильевны. Вот только пьеска, кулинарная пьеска...

Стало быть, придется ехать в «Иерусалим»...

Сейчас игроки затаились. Скорее всего, перебрались в какое-то иное место. Но быть того не может, чтобы хозяин «Иерусалима» не оказался с ними в сговоре. Главное, предстать перед ним в образе Косолапного Жанно, и тогда он сам даст знать своим приятелям: прилетела жирная пташка, которую грех не ощипать!

– Не стану отрывать вас от ваших гальванических успехов, милый Давид Иероним, – сказал Маликульмульк. – Кланяйтесь герру Парроту.

И увидел, что Гриндель рад его уходу.

Давид Иероним, человек по характеру пылкий, но мягкий, совершенно не желал, чтобы в его аптеке встретились люди, один из которых другому отчего-то неприятен. Что же, он прав – необъяснимое противостояние начальника губернаторской канцелярии и профессора Дерптского университета тут ни к чему.

Пока Маликульмульк пил кофе в аптеке Слона, прошел дождь, круглобокие камни мостовой блестели, одни отливали синим, другие тускло-красным, иные – рыжеватым. На сей раз он забыл считать шаги от аптеки до Рижского замка – голова была занята иным.

Он сочинял, что сказать хозяину «Иерусалима». Идея была, весьма неплохая идея, но недоставало сведений. У кого получить сведения – он пока не знал. Но, подходя к Южным воротам, он уже примерно представлял себе свой завтрашний трудовой день.

В декабре 1797 года покойный император Павел окончательно решил предоставить убежище в Митаве брату казненного французского короля, которого уже называли Людовиком Восемнадцатым. В марте следующего, 1798, года король прибыл в Митаву с двумя племянниками своими, герцогами Беррийским и Ангулемским, сыновьями его младшего брата, графа д'Артуа. Позднее приехала королева Мария-Жозефина-Луиза Савойская – как

и король, со свитой. Последней, в июле, явилась Мария-Луиза-Шарлотта Французская – та, кого называли «тампльской сиротой». Лишь она уцелела из всех детей покойного Людовика Шестнадцатого. 10 июля она обвенчалась со своим кузеном – герцогом Ангулемским.

В Митаве образовался маленький королевский двор. Туда съезжались знатные эмигранты, чтобы, объединившись, дожидаться лучших времен. Но длилось это всего два года – Павел Петрович, вдруг проникшись уважением к узурпатору-корсиканцу, решил жить мирно с нынешним властелином Франции и вздумал выставить королевское семейство из пределов России. Людовик Восемнадцатый с близкими поселился в Варшаве, аристократы разбрелись кто куда.

Они-то и были нужны Маликульмульку – точнее, не они сами, а их знатные имена. В переписке между Санкт-Петербургом и Рижским замком эти люди непременно упоминались. Больше проку было бы от переписки Санкт-Петербурга с курляндским губернатором Ламсдорфом, но, поди, ее раздобудь. А канцелярский архив был в полном распоряжении Маликульмулька.

К обеду у него уже был готов списочек знатных имен – оставалось только его заучить. Герцог де Берри, граф де Сен-При, виконт д'Агу, кардинал де Монморанси, граф д'Аварей – имена были роскошные.

Графини де Гаше среди них, понятное дело, не оказалось. Была герцогиня де Гише – но вряд ли эта дама стала бы раскатывать по Риге в наемном экипаже с молодым Дивовым.

Затем Маликульмульк стал выяснять, как добраться до «Иерусалима». Летом он не вздумал бы задавать таких вопросов, он любил ходить пешком. А осенью шлепать под дождем – сомнительное удовольствие. Ему посоветовали перейти через мост, а на том берегу взять извозчика. Почему-то извозчики неохотно ездили через Двину. Маликульмульк даже обрадовался – наконец-то он сможет измерить ширину реки шагами.

На следующий день он насчитал по мосту девятьсот шестьдесят два шага, но часть моста лежала на песчаной мели, которую он, разумеется, заметил слишком поздно – не сразу понял, отчего бревна под ногами перестали колыхаться. Мель была искусственного происхождения, ее много лет назад насыпал полковник Вейсман на самом конце Газенхольма, а народ прозвал ее носом Вейсмана.

Настроение у Маликульмулька было бодрое. Все ипостаси, которые составляли в этом году и в этом городе его личность, находились в приподнятом состоянии духа. Косолапый Жанно предвидел вкусную еду. Маликульмульк – увлекательное наблюдение за причудами и страстями человеческими. Проснувшийся после долгой спячки господин Крылов заранее радовался Большой Игре.

Искомое заведение «Иерусалим» располагалось примерно в полутора верстах от моста, в Торенсберге. Сперва это была простая корчма, и даже не на Митавской дороге, а чуть в стороне, на берегу рукотворного Мариинского пруда. Потом вокруг корчмы зародился целый мир.

Некий купец Торсен построил по соседству на холме дачу и разбил на берегу искусственного пруда небольшой парк. Этот парк семь лет назад арендовал у него рижский бюргер Расмус Менде, уговорившись платить восемь талеров в год. Сделал он это, сообразив, что рижане повадились ездить в «Иерусалим». Место не так чтоб удаленное от крепости, но тихое, и природа являет прелестные картины. Отчего бы не предложить господам увеселительный парк с качелями, где зимой будет также расчищено место на пруду для конькобежцев? И не только место, им можно выдавать за малую плату кресла на полозьях для милых дам. Даже название придумал красивое – Алтона.

Обнаружив на пруду такие новости, хозяин «Иерусалима» схватился за голову: а я-то куда гляжу? И перестроил свою корчму так, что она стала почти рестораном, нанял лучших

поваров, пристроил гостиницу на случай, если загулявшим посетителям будет не с руки возвращаться домой.

Маликульмульк взял извозчика и поехал в этот земной рай. Он пересек прибрежный поселок, затем городской луг, утыканный еще не почерневшими круглыми сенными копнами; экипаж обогнал две телеги, что везли мешки с зерном на водяную мельницу, поставленную на самом краю Мариинского пруда, который для того и был выкопан, чтобы собрать воду из окрестных болот и речек. И землевладельцам хорошо – такие уголья осушены, и городу, владеющему мельницей, чье колесо вращает эта вода.

С погодой повезло, вечер был приятный, почти теплый, дождь прошел утром и возвращаться, кажется, не собирался. Миновав мельницу, извозчик остановился у подножия холма, на который вела каменная лестница. Там, наверху, среди лип и кленов, и стоял знаменитый «Иерусалим», после перестроек мало похожий на обычную лифляндскую корчму. Длинное приземистое здание, где под одной крышей были и обеденный зал, и конюшня, и сеновал, и каретник. Все службы «Иерусалима» находились на склоне холма, обращенном к пруду.

Извозчик доставил увесистого гостя прямо к выметенным ступеням, чтобы тот не пачкал подошвы начищенных сапог. Сам проехал подальше и остался у коновязи покормить и напоить лошадей.

Внутри было две компании – одна мужская, другая с дамами, но благопристойная. И еще два господина в углу играли в шахматы. Маликульмульк расстегнул зеленый редингот и сел за небольшой стол в эркере, откуда мог видеть мельницу и суету вокруг нее. Тут же подбежал кельнер с неизбежной крахмальной салфеткой, перекинутой через руку.

– Позови мне, братец, хозяина, – сказал Маликульмульк по-русски, уверенный, что его поймут.

И точно – явился хозяин, несколько встревоженный: мало ли какое упущение обнаружил хорошо одетый гость?

– Я начальник канцелярии господина генерал-губернатора, моя фамилия Крылов, – представился Маликульмульк уже по-немецки. – Прибыл к вам по приватному делу. Садитесь, пожалуйста. – Свою речь он составил заранее и даже посмотрел некоторые слова в лексиконе. – Знаете ли вы о событиях, имевших место в Митаве зимой сего года?

– Про это знают все. Угодно господину заказать угощение?

– Немного погодя. Слушайте меня. Когда несчастный французский король, изгнанный покойным нашим императором, отправился из Митавы в Варшаву едва ли не пешком, часть его свиты последовала за ним, другая часть осталась здесь. Некоторые из этих господ полугали переждать неприятности в Риге. Иные уехали в Санкт-Петербург, где у них были родственники – как граф де Сен-При, виконт д'Агу, кардинал де Монморанси, граф д'Аварей.

Куда подевались эти господа на самом деле – Маликульмульк понятия не имел.

– О, да, да, – согласился хозяин «Иерусалима». – Я знаю этих господ! Они приезжали ко мне отведать жаркого из косули и бутерброд с вальдшнеповой кишкой. Коли господину угодно, велю подать, но сперва хочу предложить вестфальскую ветчину, паштет и заливное из поросенка...

– Какой бутерброд? – заинтересовался Косолапый Жанно.

– Бутерброд с содержимым кишки вальдшнепа. Господин, должно быть, в Риге недавно, господин не знает, что это самый знатный деликатес!

Косолапый Жанно поесть любил, более того – обожал. Он сам себя считал гурманом – знал толк в пирожках, гусе с груздями, жареной свинине, устрицы также иногда соблазняли его желудок, и он уничтожал их не менее восьмидесяти, но никак не более ста, запивая английским портером. Но на кишечное содержимое его гурманство не распространялось, и он энергично помотал головой.

Нехитрая политика хозяина была ему понятна: о чем этого господина ни спроси, все сведет к угощению. Значит, следовало начать хотя бы с вестфальской ветчины и паштета.

Когда закуска была сервирована и Косолапый Жанно ее одобрил, Маликульмульк пустился в дальнейшие расспросы.

– Молодой государь добр и благороден, – сказал он и, не давая хозяину приплести к государю какие-нибудь сосиски, быстро продолжал: – Французские эмигранты при нем вздохнули с облегчением и стали отыскивать друг друга. Госпожа княгиня Голицына получила письмо, ее просят о помощи. В Митаве жила француженка, графиня де Гаше. Когда оттуда уехало большинство французских дворян, она тоже куда-то исчезла. Ходили слухи, что она из Курляндии перебралась в Лифляндию. Ее ищет семейство графа де Сен-Пре...

Излагая эту заготовленную историю, Маликульмульк внимательно глядел на хозяина. Тот, будучи приглашен отведать его собственной ветчины, в лице чуть переменялся – сдвинул брови. Это, с точки зрения Маликульмулька, означало недоверие.

– И графиня д'Аварей также хотела бы видеть свою давнюю подругу, – сказал он. – Но это дело деликатное. Бедная графиня де Гаше, когда ее благодетели уехали, осталась совершенно без денег. Невозможно знать, в каком положении она будет обнаружена. Поэтому розыск ведется приватно, вы меня понимаете?

– Стало быть, эта дама – графиня? – переспросил хозяин.

– Стало быть, она какое-то время жила у вас?

– Господин говорит правильно – она жила у меня. Я был в недоумении – она платила за свое содержание вовремя, ей подавались лучшие блюда, а меж тем ее горничная... я бы не доверил этой горничной кормить свиней...

– При ней состояла только одна женщина?

– Да, герр Крылов, хотя она могла бы держать двух – и куда более опрятных.

Маликульмульк вспомнил донесение кучера Терентия. Проныр-то Проныр, а наслухался сплетен про веселый дом. Но нужно было убедиться в его ошибке.

– И что же, других женщин возле нее не было? Никто больше о ней не заботился?

– Нет, одна только горничная, которая вела себя совершенно по-свински.

– А бедная графиня де Гаше терпела?

– Да, она терпела.

Маликульмульк удивился – имея деньги, можно нанять кого угодно. Тем более в Риге, которая славится вышколенными девицами, обожающими чистоту. И тут он сообразил, в чем дело.

– Они говорила с горничной по-французски?

– Да, герр Крылов, немецкого языка она не знала.

– Не оставила ли она адреса, по которому ее искать?

– Она уехала очень скоро, была сильно напугана... Господин, наверно, знает, какая у нас случилась беда.

– Я знаю, что у вас умер постоялец... – Маликульмульк помолчал несколько, принимая решение, и сказал наконец: – Верно ли, что он был отравлен?

– Его увезли в анатомический театр. Я не знаю, что там обнаружили.

Но хозяин «Иерусалима» явно и беспардонно лгал. Он прекрасно знал, что Карла фон Бохума отравили. Не мог не знать – все власть имущие в здешних краях ему прекрасно известны, и он отлично представляет себе, к кому послать записочку, чтобы получить внятный ответ. А если неизвестны – какой же он тогда содержатель ресторана?

– Очевидно, не только графиня де Гаше, но и другие постояльцы, узнав про смерть герра Бохума, съехали от вас?

– Да, и это – в такое неудачное время! Осень – ни то ни се! Зимой сюда часто приезжают из Риги, живут по два, – по три дня. Летом тоже, для господ нарочно построена купальня,

есть лодки. По ту сторону пруда летние лагеря рижского гарнизона, господа офицеры приезжают и даже приходят пешком, в Алтоне такое веселье! Путешественники останавливаются во множестве! Осень же самое скверное время. Вот поглядите, – он обвел рукой обеденный зал. – Летом помещение в это время полно, зимой тоже редко пустует. Сейчас – одни убытки...

– А меж тем ваша кухня в городе известна. Я доложу о своем визите господину князю, он любитель хорошей кухни, – пообещал Маликульмульк. – Если сюда станет приезжать сам князь Голицын, то и те русские, что живут в крепости и Цитадели, устремятся к вам. У князя сыновья и воспитанница, которым конечно же захочется покататься на коньках.

– Фриц! – радостно воскликнул хозяин. – Неси сюда старое мозельское! Пусть ставят в печь наш славный айнтопф! Господин еще не пробовал такого айнтопфа, в него входят семнадцать – семнадцать! – составных частей! Кто поест моего айнтопфа – два дня не ощутит голода! Я угощаю вас, вы мой новый и почетный гость.

Маликульмульк усмехнулся – о, природа человеческая... Косолапый Жанно мысленно заплодировал.

К тому времени, как на стол прибыл огромный дымящийся горшок, Маликульмульк уже знал о графине де Гаше немало. Она (к некоторому его удивлению) действительно появилась зимой – после изгнания французов из Митавы. Жила очень тихо, принимала немногих, по вечерам играла в карты в небольшой приличной компании; правда, засиживались полночь, но не шумели, все было весьма благопристойно. Иногда графиня уезжала на двое суток – говорила, что в крепости у нее есть давняя подруга. Ее партнерами за карточным столом в «Иерусалиме» были Иоганн Мей (по-французски говорил прилично), Леонард Теофраст фон Димшиц (тоже объяснялся с графиней очень бойко и, сам имея кислую физиономию, умел ее насмешить), Эмилия фон Ливен (дама немногим моложе графини, весьма неприятная и скупая особа), молодой красавчик Андреас фон Гомберг (этот говорил по-французски, с точки зрения хозяина, безупречно), а неделю назад в компанию был принят Карл фон Бохум. Судя по всему, его отравил кто-то из господ картежников – более некому. И действительно, накануне он удачно играл и был в выигрыше. Сумма выигрыша неизвестна – а только повара, спустившись поздно вечером в Алтону подышать воздухом на сон грядущий, слышали отчаянную мужскую ругань на немецком языке. Кто-то из игроков проклинал заезжего шулера. Им показалось, что это был Андреас фон Гомберг. На следующий день компания завтракала вместе, после чего разъехалась – и мужчины по сей день не возвращались, хотя некоторые их вещи лежат в комнатах. Эмилия фон Ливен в тот день вообще не появлялась, а вечером отбыла и графиня де Гаше – якобы к подруге.

– То есть все они, уезжая, знали, что мертвый фон Бохум лежит у себя в комнате? Или что он вот-вот примется помирать?

– Откуда мне знать, что они знали!

Маликульмульк задумался. Примерно так и должна вести себя игроцкая шайка, попав в беду. Кому охота объясняться с полицией из-за трупов!

– А часто ли к компании присоединялись новички?

– Случалось, кто-то приезжал из крепости. Летом, разумеется, господа офицеры.

– Были ли среди этих господ русские?

– Был один молодой человек, я его встречал в крепости. Он несомненно русский, но не гарнизонный офицер. Одет он был прекрасно, имел дорогие перстни. Может быть, он и приютил госпожу де Гаше, а не подруга.

– Отчего вы так решили, почтенный хозяин?

– Оттого что они... меж ними было нечто, хотя она гораздо старше его... Он при мне домогался ее благосклонности. Они вместе прогуливались у пруда, вон там, – хозяин показал

на темное окно. – Они доходили до самой мельницы, поворачивали, шли через Алтону к дальнему концу пруда, потом обратно...

– И давно ли это было?

– Весной, в начале лета. Не слишком любезный молодой человек, скажу я вам... Он ссорился с господином фон Гомберг и господином фон Димшиц... И собой не был хорош – худ, как щепка. По-немецки говорил куда хуже, чем по-французски. Они с мадам де Гаше только по-французски объяснялись.

Маликульмульк понял – это мог быть Михаил Дивов. Он стал вспоминать все, что наговорили ему сперва госпожа Дивова, потом Терентий.

Косолапый Жанно меж тем добрался до дна горшка. Обычный человек съел бы половину и запросил пощады – так жирен и сытен был айнтопф, сложное блюдо вроде густой похлебки. А вот Косолапый Жанно считал, что такой горшочек – в самый раз.

Итак, игроки испугались и разбежались. Но долго они без карт не проживут. Они наверняка собрались где-то в Петербургском предместье, чтобы продолжить свой промысел.

Знают ли они, кто отравил Карла фон Бохума?

Маликульмульк не обольщался относительно рода человеческого. Он допускал, что шайка сговорилась и совместно подсыпала «счастливчику» мышьяк. Среди всех пороков человеческих числится и преступный сговор с целью убийства. Но, насколько он знал игроков, они скорее уж втянут такого счастливчика в новую игру, чтобы, разгадав его приемы, обчистить до последней копейки. Даже если он шулер высокого полета, компания сперва испробует все мирные средства – вплоть до предложения о сотрудничестве.

Скорее всего, затеял это кто-то один. А статочно – одна. Мышьяк – не мужское дело. Женщин в компании было две, Эмилия фон Ливен и графиня де Гаше. Эмилии не было за столом, где завтракали и имели возможность отравить заезжего шулера. Графиня за тем столом была. Уехала она из «Иерусалима» последней. Был ли тогда еще жив фон Бохум? Когда его на самом деле отравили? Может, не за завтраком, а за обедом?

Все это были умственные упражнения, для Маликульмулька не имеющие практической ценности. От времени убийства совершенно не зависело, в какую сторону подались игроки.

Кто бы мог разгадать эту загадку?

Косолапый Жанно перестарался – айнтопф уложил его наповал. В сон потянуло так, что, кажется, прямо в обеденном зале свернулся бы под столом клубочком.

Наказав разбудить себя пораньше и, подав хороший завтрак, выпроводить из «Иерусалима», Иван Андреевич отправился ночевать в тот самый номер, где жила съехавшая графиня де Гаше.

* * *

Кучер Терентий в такую погоду был предоставлен сам себе. Князь занимался делами, не выходя из замка. Княгиня заперлась в своих апартаментах. Детей выводили погулять на примыкавший к замку бастион Хорна. Он чувствовал бы себя совсем ненужным, кабы не Косолапый Жанно.

Когда это сокровище не явилось ночевать, Терентий сильно беспокоился. Первая мысль была о беспутной Маврушке. Если б можно было уверенно сказать про Косолапого Жанно, что потешит плоть и преспокойно вернется домой, под теплое крыло Терентия, то и беспокоиться не о чем. Но этот чудак столько времени обходился без баб – теперь он для всякой полымянки легкая добыча! И некому взять его за шиворот, отвести в сторонку и сказать: «Делай, как я говорю!»

Видимо, все то, что наговорил Терентий о Маврушке, оказалось недостаточным. Нужно было набрать новых пакостей и отвадить простофилю от хитрой девки. Пусть бы его княгиня на своей приживалке женила – все лучше, чем подобрать такую бесстыжую тварь!

На следующий день Терентий проведал, что Косолапый Жанно прибыл рано утром на извозчике с очень довольной физиономией. (А как ей не быть довольной после сытного завтрака в «Иерусалиме»? Предвкушая, какая счастливая жизнь начнется, если в число завсегдатаев войдет лифляндский генерал-губернатор, хозяин накормил господина начальника канцелярии всем лучшим, что держал в погребе и на леднике.)

Терентий явился к князьему дворецкому, держась за живот, и доложил, что съел какую-то дрянь. При этом сквасил рожу – от одного созерцания такой рожки во рту кисло становится. Его погнали лечиться травами. Он действительно взял у конюха Семена пучок сушеных веточек – а потом исчез.

Под замком были понарыты ходы. Один такой лаз открывался в конюшне, его все хотели засыпать, да никак не могли собраться. Лаз выводил в конурку, откуда можно было выйти в галерею, опоясывавшую Южный двор. А в Южном дворе к воротам ведет целый туннель в четыре сажени. Если забежать в этот туннель да в известном месте прижаться к стенке – то, когда ворота откроются, впуская телегу, экипаж или всадника, можно легко выскочить наружу. Повернув налево и обойдя Свинцовую башню, окажешься в том месте, где Замковая улица выходит на замковую площадь. И ты уже вольный казак!

Пока Терентий быстрым шагом приближался к Петербургскому предместью, в голове у него расцветали буйные и великолепные прожекты. Он представлял себе, как избавит Косолапого Жанно от скверной бабы Маврушки – так на нее гаркнет, что баба навеки заикой останется. Затем он представлял себе, как будет руководить Косолапым Жанно, давать ему хорошие советы, чтобы в канцелярии трудился на совесть и заводил полезные знакомства. До сих пор, как Терентию было известно, его протее на новом месте еще не освоился и на каждом шагу нуждался в помощи старых канцеляристов. Где бумаги – там и деньги, так что нужно научить чудака брать деньги, когда их предлагают. Даже то, чтобы положить нужную бумагу сверху на стопку тех, которые приносят князю, или же, наоборот, в самый низ, чтобы князь подписал, почти не глядя, тоже ведь денег стоит!

От этих замыслов он перешел к иным. Косолапого Жанно непременно надо женить, и найти ему невесту из хорошей семьи, с приданым, но лучше всего – смиренную сироту. В мыслях Терентий эту невесту нашел, сосватал, отправил пару под венец, а потом, поскольку они, зажив своим домком, без его, Терентия, советов и присмотра не обойдутся, он внушил Косолапому Жанно мысль выкупить себя у князя Голицына. Князь даже мог бы подарить кучера тому, кого зовет «послушай-ка, братец!», а потом можно сподвигнуть женатого недоросля дать своему главному советчику и покровителю вольную. И тогда уж вся крыловская семья станет собственностью Терентия, он будет карать и миловать, заведовать всем хозяйством и давать Косолапому Жанно деньги на игру в количестве не более трех рублей (эту склонность подопечного он отлично знал).

Романовка, где жили Морозовы, была частью в Петербургском, частью в Московском форштадте. А они поселились чуть ли не на границе, довольно далеко от крепости. Терентий в прошлую свою вылазку, собирая сведения, свел знакомство с морозовским кучером Данилой. Сейчас он полагал найти приятеля и напеть ему в уши про беспутство Маврушки и ее гнусные планы обвенчаться с простаком чиновником. Эта новость, дойдя до ушей главы семейства, произведет задуманное действие: Маврушку изгонят с позором. А донести Косолапому Жанно, что бесстыжая горничная замечена во многих пашнях с мужчинами, уже несложно.

Но Данила горел желанием рассказать совсем другие новости. Морозов-самый-младший, двадцатилетний щеголь, проигрался, да так, что родителей чуть кондрашка нехватила.

Утром он, пропадавши более суток, явился и пошел к отцу каяться. Узнав, что подписаны векселя на какую-то несусветную сумму, отец едва не вышиб сыночку зубы – бездельник чудом успел выскочить из комнаты, и где теперь прячется, неведомо. Дома все сидят перепуганные, и ясно, что платить придется: Морозов-отец с боями пробивается в Большую гильдию, и скандальная история с неоплаченными векселями и сыном-картежником ему ни к чему.

Терентий был умен – умел слушать. Но во всей речи Данилы не нашлось ничего полезного. Он пробовал было подпустить загадок: плохо-де в вашем доме не только за детьми, но и за дворней глядят. Если бы Данила проявил любопытство, то Терентий сообщил бы, что новая горничная не ночевала дома, и дал ход целой интриге. Но Данила сразу согласился и стал рассказывать про своего злейшего врага, дворника Луку.

А время меж тем шло.

Терентий обладал способностью растягивать его и уместать в полчаса, в половину круга минутной стрелки, дел часа на два. Но это – по вдохновению. Сейчас Данила сбил с него все вдохновение, и Терентий ощущал, как время, пощелкивая секундной стрелочкой с княжеских часов, уносится прочь.

Нужно было уходить – а он ничего не разведал и ничего не сделал. Нужно было бежать на Родниковую улицу, искать ту Маврушкину подружку, Дуняшку, с которой она в тот самый день, когда старик Дивов выставил ее из дома, умудрилась как-то поссориться.

А ведь Маврушка сделала для Дивовых и кое-что хорошее – именно она нашла им скромное и недорогое жилье в доме, где жила с теткой Дуняшка, и вскоре после того ей отказали от места. Она, уже нанявшись к Морозовым, потихоньку прибегала иногда, по старой памяти помочь госпоже Дивовой по хозяйству. Терентий это прекрасно знал – и не желал знать, потому что Маврушка в сражении за Косолапого Жанно была первым врагом.

Дуняшка, сгоряча рассказавшая ему про графиню де Гаше и амуры с беглым Никишкой, была скромной белошвейкой, работала на модную лавку, перенимая узоры и выкройки с привозных образцов. Тетка, выучившая ее ремеслу, тоже трудилась, не покладая рук. Обе копили на приданое – Дуняшке было чуть за двадцать, тетке – около сорока. Поэтому жили в крошечной комнатушке, можно сказать – на чердаке, и полтина, которую Терентий дал девушке за сведения, в ту же копилку пошла.

Она, голубушка, проговорила, что между комнатушкой и новым жилищем Дивовых – такая тонкая перегородочка, что каждый чих слышать. И Терентий нюхом чуял, что однажды это пригодится.

От Романовки до Родниковой было близко. Терентий напряг все свои мистические способности, стал быстрее перебирать ногами – и время замедлило свой бег, стало вытягиваться в длину, так что каждая секунда сделалась полупрозрачной, вроде того штрудельного вытяжного теста, которое он всякий раз, пускаясь в колдовство, вспоминал.

И он увидел Дуняшку...

Дуняшка была не одна – она стояла у калитки с кавалером, который сразу же вызвал сильное недовольство Терентия. Он был красив, как картинка в модном журнале, и причесан на модный лад – длинные вьющиеся пряди закрывали и лоб, и щеки, чуть простираясь ли не до носа. Такая мужская красота вызывает обычно сомнение в высоких духовных качествах: откуда бы им взяться у человека, который обречен быть любимцем дам? Этот кавалер пытался ухватить Дуняшку за руку, она не давалась, но и не пыталась скрыться во дворе.

На ней было модное платьице, подпоясанное под грудью, и поверх серая домотканая шерстяная накидка с каймой, какие носили небогатые рижские мещанки. Они переняли этот наряд у латышек из предместий – недорого, тепло, служит долго, летом годится для ребенка вместо одеяльца. А если угодно щеголять – добывай себе турецкую шаль с таким причудливым узором, что ни одна вышивальщица не повторит. Большая Дуняшкина коса не поме-

щалась в маленький кокетливый чепчик и спускалась по спине поверх накидки. Едва взглянув на нее, можно было сказать – тут большого приданого не жди. Стало быть, красавчик кавалер жениться и не собирался.

Терентий встал неподалеку, ожидая, пока эта парочка распрощается. Он хотел задать девушке несколько вопросов, и главный из них: есть ли у Маврушки убежище, куда она могла привести на ночь избранника? Какая-нибудь нищая родня, готовая предоставить кров за небольшое вознаграждение? Какой-нибудь трактир, с хозяином которого у нее подозрительная дружба? Да хоть богадельня! Чем чердак богадельни хуже любого другого чердака?

Если бы удалось узнать, что это за место, был бы знатный козырь в объяснении с Косолапым Жанно! Терентий сказал бы, что вся Рига знает про сей притон разврата, один господин начальник канцелярии ничего не знает!

Видимо, кавалер уж очень решительно пошел на приступ. Дуняшка так стремительно исчезла за калиткой, что Терентий только рот разинул. И тут же затрещали, застрекотали секунды.

Кавалер, усмехнувшись, пожал плечами. При этом он глядел победителем. Он прошел мимо Терентия той неторопливой, несколько разболтанной походкой, которая позволяет встречным оценить все достоинства наряда. А наряд был такой, что Терентий недовольно фыркнул.

Кучер считал себя зрелым мужчиной и из принципа не одобрял новых мод. Когда его еще мальчиком взяли в голицынский особняк сперва казачком, потом фореитором, наконец, начали учить кучерскому ремеслу, мужской гардероб состоял из кафтана, камзола, коротких кюлот, чулок и туфель. Сапоги приличный человек обувал редко – они принадлежали к военной форме. Кафтани надлежало быть расстегнутым, чтобы всем была видна дорогая ткань камзола, камзол тоже нужно было уметь правильно застегнуть – не на все пуговицы, а на несколько посередине, чтобы последняя приходилась как раз под животом, и от нее уж полы камзола немного разбежались в стороны. Это, с точки зрения Терентия, было красиво – подчеркивало сытость и дородство кавалера. А теперешние молодые господа носили пресмешные штаны, начинавшиеся выше талии, свободные в ляжках, но сужавшиеся к колену и совсем тесно облегающие икры. Эти штаны были заправлены в сапожки с изящно вырезанным верхом. Фрак же спереди до талии не доходил, а завершался в полувершке от верхнего края штанов, так что виднелась полоска короткого жилета. Кроме того, этот двубортный фрак полагалось застегивать на все пуговицы – у кавалера, который увивался за Дуняшкой, их имелось четыре пары, светлых и сверкающих, как бляхи парадной сбруи княжеской упряжки. Василькового цвета фрак, серые штаны, черные лаковые сапожки – далеко было этому обмундированию до сверкающих галуном кафтанов былых времен. И жилет! Им бы похвалиться – а он виден лишь снизу, сверху шея кавалера обмотана каким-то шелковым платком до самых ушей.

К тому же кавалер был одет чересчур модно для патриархальной Риги. Такую диковинную элегантность можно было встретить разве что в столице; появлялась она и на московских гуляньях; однако рижане до сих пор предпочитали старые добрые кафтаны и фракы, как при покойной государыне.

Терентий проводил кавалера взглядом – хотел запомнить подробности, чтобы обсудить их в «высшем свете» голицынской дворни, когда его туда снова пригласят. Кавалер же встал на углу, дожидаясь, чтобы к нему подкатил экипаж, и это было совсем близко к Терентию.

Дверцы наемного экипажа отворились, кавалер подал руку и помог выйти даме. При этом он по-французски называл ее госпожой графиней.

Терентий знал сколько-то французских слов. И как не знать, когда служишь самому князю Голицыну! Однако понять, о чем расспрашивала эта немолодая дама красавчика кавалера, он не мог. Он предложил ей руку, и они прошли по Родниковой взад-вперед. Прохо-

жие сторонились, давая им дорогу. Каким-то образом они понимали, что дама – не из простых.

Эти двое были странной парой – словно маменька с сыночком. Дама, ростом кавалеру по плечо, тоже была одета модно, куталась в шелковую шаль с кистями, а на голове у нее была странная на Терентьев взгляд шляпа – крошечная, с большим пушистым пером, спускавшимся на плечо. Завитые локоны, по два с каждой стороны, спускались на щеки – и эти локоны отливали серебром. Дама не скрывала своей седины. А ведь так, казалось бы, просто – приколоть фальшивые вороньи буколки!

Маленькая, тощенькая, с продолговатым лицом, с довольно большим ртом, эта дама не должна была бы нравиться – однако, отвечая на какой-то вопрос, она улыбнулась кавалеру – и Терентий понял, что соблазн сидит в ней, переполняет ее, и до самой смерти ее не покинет. Но сам бы он этому соблазну не поддался – в походке дамы, в ее жестах, в губах и взглядах было чересчур много какой-то сомнительной суеты.

Да и возраст – седина, допустим, бывает ранняя, а лицо точно немолодое, лицу – за сорок. Терентий же считал себя бравым мужчиной, которого женщины старше двадцати пяти не должны интересовать. Довольно было уже того, что жена старше его на три года. Больше старух он знать и видеть рядом с собой не желал.

Вдруг его осенило: да это же и есть та графиня де Гаше, которая норовила нанять госпожу Дивову якобы в горничные, а на деле – срамно сказать на какую должность. Терентий уставился на даму во все глаза – вот как выглядит, оказывается, богатая содержательница борделя! Кавалер же, что-то ей втолковывая, показывает именно на тот дом, где поселились обнищавшие Дивовы. Эх оно все складно получается – да только что пользы? К той речи, что Терентий готовил для Косолапого Жанно, эту чертову графиню не пришьешь.

Графиня меж тем стала спорить со своим спутником, указывая крошечной ручкой на хороший и крепкий дом напротив, не чета развалюхе, приютившей Дивовых. Не дожидаясь конца их спора, Терентий двинулся прочь. Он был крепко недоволен – ничего полезного не узнал. А если сведений нет, то что нужно сделать? Нужно их сочинить.

Он исхитрился встретить Косолапого Жанно, когда тот шел из канцелярии к себе в башню за скрипкой. Скучающая княгиня опять желала музыки.

– А я вот вам дровишек несусь, – сказал Терентий. – Истопник-то немец по этакой лестнице с мешком не полезет, а я вон лезу. Что б вы без меня делали... И правды-то вам бы никто не сказал!

– И впрямь, пора уж затопить печку, – отвечал Косолапый Жанно. В башне, как во всяком древнем каменном строении, был камин, но, поскольку башню поделили надвое и камин остался в другой половине, то в комнате канцелярского начальника сложили печку, и сложили не очень удачно – грела она плохо. А меж тем осень и все ветра, овевавшие башню Святого Духа, выстужали ее основательно. Следовало ожидать, что зимой в ней вообще будет холоднее, чем во дворе замка, где хоть ветры не гуляют.

– А правда такова, что есть же на свете поганые девки. Душа горит, не могу молчать! – воскликнул Терентий, тащась с мешком вслед за неторопливым Косолапым Жанно. – Эти стервы не с одним грешат – оно бы еще полбеда! А у них на каждый день недели – по кавалеру! И место, куда они кавалеров своих водят, не пустует! Это я доподлинно знаю!

Лестница скрипела и взвизгивала под ногами. Мешок цеплялся за стену. Косолапый Жанно, освещавший восхождение сальной свечой, скорбно молчал. Терентий понимал это так: слушать пакости про зазнобу кому же приятно? Однако не спорит, в драку не лезет – значит, обдумывает сердитые слова.

И очень скоро скажет:

– Вразумил ты меня, брат Терентий! Теперь вижу, что тебя во всем слушать надо!

На самом деле Косолапый Жанно сейчас дремал, зато всю рассуждал Маликульмульк.

Разбежавшуюся игроцкую компанию искать следует в гостинице. Вон напротив замка стоит «Петербург» – с него начать. Возле ратуши – «Лондон», недавно открытый. И во всякий трактир сунуть нос. Далеко эта братия не убежала. Должны знать, кто куда подевался, где кого искать. Скоро снова сойдутся. И тут возникает вопрос: называть ли, когда удастся с ними сойтись, свою должность? С одной стороны, начальник губернаторской канцелярии – не нищий, и им любопытно было бы заманить такого игрока за свой карточный стол. С другой – заподозрят ловушку и поклянутся, что отродясь карт в руки не брали. С третьей – сочтут врунишкой и не захотят играть. Вот и ломай голову...

Однако искать их надо, начиная с завтрашнего дня. Потому что уже невтерпеж. Кончики пальцев, соприкасаясь случайно, вызывают волнение в крови. Тоскуют пальцы по этим твердым и гладким кусочкам картона.

Где-то в этом городе идет Большая Игра. Настолько Большая, что шулера-соперника травят мышьяком. Вот она-то и нужна!

Глава IV

Вся надежда на Маврушку

Список из пяти имен лежал перед Маликульмульком, полуприкрытый очередной кляузой купца Морозова на рижский магистрат. Купец нанял языкастых подьячих и рвался вверх, в Большую гильдию, как Архимедово тело, – образ, застрявший в голове не со школьных времен, а с застолья, где читались лихие стишки: «всяко тело, вперто в воду, выпирает на свободу...»

Графиня де Гаше. Эмилия фон Ливен. (Дамы – в первую очередь). Иоганн Мей. Леонард Теофраст фон Димшиц. Андреас фон Гомберг. Последние четверо достаточно хорошо говорят по-французски, чтобы играть с графиней, которая не понимает ни по-немецки, ни по-русски. Вот в чем прелесть французских аристократов! Они полагают, что весь мир обязан знать французский язык, а им самим довольно помнить несколько афоризмов по-латыни и несколько английских слов, вроде редингот, грум, плед.

Подошел Сергеев, посмотрел на разложенные бумаги, тихонько посоветовал, что отдать копиистам, что столоначальникам, чтобы подготовили ответы. Сергеев отлично понимал, что без его подсказки новоявленный начальник канцелярии очень скоро опростоволосится и потеряет должность, но не хотел, чтобы это случилось слишком рано. Пусть еще хоть месяца два помучается – да чтобы вся канцелярия от его неловкостей взвыла...

Распределив работу между подчиненными, Маликульмульк устался на свой список и крепко задумался.

Графиня де Гаше. Эмилия фон Ливен. Иоганн Мей. Леонард Теофраст фон Димшиц. Андреас фон Гомберг. Кто-то из этой пятерки отравил герра фон Бохума. Способен, стало быть, и господину Крылову подсыпать мышьяк в угощение. От чего мечта о Большой Игре становится еще пламеннее, азарт – еще острее! Ведь это какой поединок предстоит, какая борьба! Не бумажная, где кляуза прет на кляузу и до правды не докопаешься, пока господин князь не треснет кулаком по столу и не прикажет: делать так!

Косолапый Жанно – чрево для поглощения пищи, оснащенное скрипкой и умеющее складно изъясняться. Маликульмульк – философ, никак не способный расстаться с минувшим веком и с минувшим миром; мир этот забавен, но сильно смахивает на гравюру с характерами, как у Молиера: вот щеголь Припрыжкин, вот кокетка Прелеста, вот корыстолюбивая актриска Бесстыда, вот резонер Старомысл. Иван Андреевич – начальник канцелярии, у которого в голове скоро не хватит места для всех разногласий между Рижским замком и магистратом, древних и новорожденных.

Но близится ночь, когда на сцене появится господин Крылов, огромный, бесстрастный и неумолимый. Он сядет за стол, сорвет обертку с непочатой колоды, пропустит ее в ловких пальцах, соберет на нее общее внимание – и сражение начнется...

Однако прежде всего нужно сходить в «Петербург». Каждый день там обедать – никакого жалованья не хватит, но именно сегодня можно и нужно. Ибо кто-то из господ, сбежавших из «Иерусалима», может там оказаться.

В «Петербурге» у Ивана Андреевича завелся приятель – повар Генрих Шульц, он же Анри Шуазель. И никак невозможно понять, то ли он природный француз, который, скрываясь от каких-то недоброжелателей, притворяется немцем, то ли прекрасно обученный кулинарному ремеслу немец, которого выдают за француза, чтобы привлечь едоков. Этот Анри-Генрих был нужен Маликульмульку еще для одного дела – давно следовало заказать большой пирог, чтобы на деле проверить замысел новой пиески.

Маликульмульк посмотрел на стоячие часы, и они тут же, закрипев и застонав, пробили час пополудни. Он, не подумав, встал – и несколько канцеляристов также бойко поднялись с мест. Переглянувшись, они несколько сконфузилась и сели.

Уж более полугода прошло с того дня, как изволил опочить император Павел Петрович и, соответственно, бразды правления взял новый государь. А все еще чиновный люд хранил испуг перед покойником и продолжал выполнять иные его несообразные распоряжения. С чего-то Павлу пришло на ум, что вся Россия должна обедать в одно время – в час. С ним не поспоришь, и светские дамы, которые, может, к часу только просыпались после бала, тут же шли к обеденному столу. Александр Павлович садился за стол не ранее двух, и все шло к тому, что он будет, как принято в Европе, обедать около пяти. Голицынская канцелярия тоже отправлялась обедать в два, как и сам князь. Однако стоило Маликульмульку встать – и старая память ожила.

Но сидеть до двух в канцелярии он не хотел. Лучше сбежать заранее, а то пришлют кого-то из слуг звать к княжескому столу. Голицын в Казацком и в Зубриловке привык, что стол накрывался на три десятка кувертов, и в Рижском замке ему недоставало сотрапезников, говорящих исключительно по-русски.

В «Петербурге» останавливалась богатая публика, там даже держали особые каретные сараи для экипажей почтенных гостей. Угощение было на все вкусы – в буфетной можно было перед обедом закусить на русский лад, для чего имелись икра, сыр, хорошая соловина, сухари, настойки, портер, венгерские вина и конечно же водка. Если же кому хотелось закуски на французский лад, ее подавали прямо к столу на подносе, и она включала ветчину и пармезан. Маликульмульк конечно же направился в буфетную. Он уже знал многих из прислуги, и его тоже запомнили.

– Добрый день, – сказал он пожилому буфетчику Гринману.

Больше ничего добавлять не понадобилось, тот уже сам налил стопочку, подал немецкое изобретение – бутерброд с солониной.

– Я уговорился встретиться тут с приятелями, – сказал Иван Андреевич. – Они должны приехать из Дерпта. Где тут у вас книга, куда вносят приезжающих?

Должность господина Крылова была буфетчику известна, и пока Маликульмульк, расположившись в креслах, вкушал свой бутерброд, мальчик принес ему толстую книгу с разграфленными страницами. В последние дни там никто из списка отравителей не появлялся. Этого можно было ожидать – «Петербург» не то место, где прячутся от полиции. И все же проверить следовало.

Затем Маликульмульк проследовал в обеденный зал, где спросил у метрдотеля, во что встанет ему французский пирог с дичью. Тот рекомендовал пирог за тридцать рублей или за пятнадцать талеров, которым за ужином могли бы насытиться пять-шесть человек. Большого для работы над пиеской и не требовалось.

Заказывая обед, Маликульмульк узнал, что привезли английские устрицы, по двенадцать рублей сотня. Подал голос Косолапый Жанно, однако Маликульмульк сказал: «Цыц!» Такие подвиги следовало совершать при большом стечении народа.

В «Петербурге» уже поняли, с кем имеют дело, и без лишних слов несли начальнику канцелярии двойные порции кушаний, начав со стерляжьей ухи. За ней последовали телячья печенка под рубленным легким, мозги под зеленым горошком, фрикасе из пулярки под грибами и белым соусом. На десерт ему подали целое блюдо французской яичницы с вареньем.

Вместе с яичницей прибыл лично Анри Шуазель, под чьим наблюдением ее соорудили. Он был в чистой белой холстинной куртке с кухмистерским колпаком на голове. Маликульмульк объяснил, какой пирог нужен и для какой он назначен цели. Повар посмеялся – цель действительно была необычная – и пообещал, что начинка, когда дойдет до дела, будет не слишком влажной.

Затем Иван Андреевич спросил его по-приятельски, не было ли в последнее время случаев, чтобы в «Петербурге» велась Большая Игра. О том, что каждый у себя в номере вправе баловаться картишками, речи не шло. Он хотел знать, не обретался ли в гостинице кто-то из тех, кого считали записными игроками, то есть мастер, живущий на доходы от колоды.

– Были такие господа, – отвечал по-немецки Анри Шуазель. – И был также случай, когда играли двое суток, им кушанье в номера подавали. Потом случился какой-то скандал, и эти господа съехали.

– Не упомните ли, герр Шуазель, как звали тех господ?

– Они записаны в книге.

– Ну, так попросим принести книгу...

– Я сам схожу и погляжу! – торопливо воскликнул повар.

Он видел, на что стали похожи рукава начальника канцелярии после фрикасе под белым соусом, и совершенно не желал, чтобы господин Крылов изгваздал книгу.

– Сдается мне, что один из них – фон Дишлер, – сказал, вернувшись, Шуазель. – Это имя в книге есть. Но вы же знаете, этим господам придумать себе новое имя – все равно что мне выпить рюмку мозельского, быстро и приятно. Удивления достойно, где они добывают фальшивые паспорта.

– А как он выглядел, этот фон Дишлер?

– Мужчина в годах, весьма обходительный...

«Шулеру и положено быть обходительным, – подумал Маликульмульк. – Иначе – кто ж с ним играть сядет? Но ему нельзя выглядеть чересчур умным».

– Обожают играть на скрипке...

Это было уже занято.

– А еще приметы?

– Нос, – немного помолчав, ответил Шуазель. – Этот человек почти лишен переносицы, однако его нос не является продолжением лба, как у греческой статуи, а образует с ним угол, вот такой...

Повар взял вилку и начертал на грязной тарелке профиль – действительно необычный.

– Еще?

– У всякого, кто пьет или страдает почками, бывают мешки под глазами. А у фон Дишлера они замечательной величины и как бы двойные. И цвет лица нездоровый.

– Еще?

– Ростом с меня.

Больше повару ничего вспомнить не удалось. Но и это уже было кое-что.

Вернувшись в замок, Маликульмульк убедился, что вся канцелярия в сборе, посидел там немного и отправился в кабинет к Голицыну. Тот только что вышел из-за стола и не имел пока желания копаться в бумажках. Этим следовало воспользоваться.

– Что вы изволили решить насчет бригадира Дивова? – спросил Маликульмульк.

– Понятия не имею, братец ты мой, к чему его приспособить. Он ведь, ты сказывал, уж стар?

– Полагаю, ему за шестьдесят.

– Ну вот. Старик, а на службу просится. Будь он из простого звания – можно бы в сторожа, а то хоть в будочники. А тут, вишь ты, бригадир, дворянин. А что умеет – неведомо.

– Он жил богато и трудиться, уйдя в отставку, нужды не имел. Но, как всякий военный, должен знать математику, фортификацию, тактику, – сказал Маликульмульк. – Мог бы учить гарнизонных солдат.

– Их есть кому учить... Ну, задал ты мне задачку! Может, просто оказать ему вспомоществование? Это дешевле выйдет, чем его к делу пристраивать. Пошли человека, пусть

принесет его послушной список, напишем в столицу. Ему ведь полагается какой ни есть пенсион...

– Покаждемся ответа, он и сам с голоду помрет, и невестку с внуками уморит.

– Ну, так я пошлю ему из своих двести рублей, пока дело с пенсионом не решится.

– Может отказаться, он с норовом. Он готов вновь служить, а не брать...

– Не брать подачек? – проницательно продолжил князь, прищулив свой хитрый левый глаз. – Ну так придумай, к чему бы его определить! Покойный Потемкин, помнится, приставил старого дьячка памятник царю Петру охранять – и за то ему оклад денежного содержания назначил. А этого? Петуха на Домском соборе сторожить? Стой! Придумал! Отправь-ка курьера в Цитадель, в работный дом! Вели главному надзирателю немедля прийти!

Это заведение находилось за Петропавловским собором. Там жили взаперти подследственные арестанты обоего пола и целый день трудились, оплачивая свое содержание.

Две или три комнаты были отведены для умалишенных, которых всегда мог при необходимости навестить гарнизонный врач. Это также составляло повод для грызни с магистратом – до того в городе «бешеного дома» не было, господа ратсманы никак не могли изыскать на него средства, а как в Цитадели приютили безумцев, так ратсманы и решили, что этих комнатушек на всех рижских сумасшедших хватит.

Голицын выражал недовольство тем, что в этот работный дом попадали люди за мелкие провинности. Рижские предместья обнесены были палисадом из высоких заостренных кольев – как делалось при царе Иване Грозном и еще ранее. Палисад, в отличие от земляных валов крепости высотой в пять сажен и даже больше, был подвижным – предместья разрастались, и его переносили все дальше и дальше. Но зимой стена из деревянных кольев – соблазн для тех, кто не запасся дровами. По ночам обыватели вытаскивали колья, а магистрату приходилось оплачивать их замену. Время от времени воров ловили и карали. Но запирать за такую мелочь на два-три месяца в работный дом – уже чересчур.

Маликульмульк живо смекнул, до чего додумался князь. Дать Дивову должность какого-нибудь обер-надзирателя, нарочно для него изобретенную, да казенную квартиру в Цитадели – чего же лучше? Он туда переберется с Анной Дмитриевной... с Анютой...

Они были совершенно не похожи – та Анюта, что осталась в далеком прошлом, худенькая девочка с огромными голубыми глазами, и Анна Дмитриевна, уже не юная, уже не красавица, хотя если причесать на модный лад и немножко подрумянить, стала бы хороша собой, наверно...

Отправив курьера, Маликульмульк уселся за свой начальнический стол, куда догадливые подчиненные уже сложили стопку конвертов с большими сургучными печатями. Аккуратно их срезая, он опять задумался о своем – об игроках, которые прячутся где-то в Риге. Они непременно должны появляться в гостиницах и высматривать богатых приезжих. Скорее всего, у них есть какое-то убежище на случай неприятностей с полицией. Графиня де Гаше, Эмилия фон Ливен, Иоганн Мей, Леонард Теофраст фон Димшиц, Андреас фон Гомберг... И некто фон Дишлер с нечеловеческим носом.

Про убежище может знать хитрая Маврушка. Довольно ей уже раздумывать, выдавать или не выдавать семейные секреты Дивовых. Пора бы ее навестить.

Маликульмульк приструнил Косолапого Жанно, уже мечтавшего о сытном ужине. Он предоставил начальнику канцелярии Ивану Андреевичу выслушивать подчиненных. А сам уже рассчитывал, как поведет беседу с субреткой. Если бы гномы Буристон или Зор написали эту беседу, она была бы язвительна и забавна. Субретка Маврушка показала бы свое корыстолюбие во всей красе. И под каким именем она блистала бы в сей новоявленной «Почте духов»? Плутана? Ветрана?

Небо за окном вроде бы не предупреждало о скором дожде. Сказав Сергееву, что хочет снова посетить отставного бригадира Дивова, Маликульмульк покинул канцелярию.

* * *

Он шел по неширокой улице к Ратушной площади – там было более всего надежды взять извозчика. Вокруг творилась немецкая жизнь с маленькими немецкими радостями – из одного приоткрытого окна пахло корицей, из другого кофеом, из третьего, кажется, кардамоном. Где-то негромко и слаженно пели песенку о форели в ручье. Город жил вне времени, по тем старинным законам, которые даже не всегда были записаны на бумаге, но под строгим надзором магистрата соблюдались неукоснительно. Самая настоящая немецкая провинция – не торговый город Российской империи, а заштатный немецкий городок, в который новые веяния или вовсе не долетают, или, долетев, вызывают ужас и неприятие.

Скажи этим господам «Штурм унд дранг!» – так даже не поймут, что это за «буря и натиск». Им сие не надобно, на новейших литературных течениях талеров не заработаешь. В Геттингене, в Страсбурге, в Швабии – всюду собрались вместе пылкие и талантливые юноши, восстали против заплесневевших правил. В Риге наоборот, делают все, чтобы литературы не было, и лишь ставят в театре Фитингофа на шумевшие в Европе пьесы – нельзя же совсем без изящных искусств. Но «Бурю и натиск» Клингера, с которой началось все новое в немецкой литературе, не поставили. «Искать забвение в буре» – это не для почтенных бюргеров.

Извозчик нашелся, и дрожки покатили по Известковой к городским воротам. Когда пересекали эспланаду, Маликульмульк сделал несколько глубоких вздохов – тут был совсем другой воздух, хотя городской ров отнюдь не благоухал. Огромное открытое пространство перед бастионами, Песочным и Блинным, успевшее порости кустами, кое-где засаженное молодыми деревьями, было любимым местом для больших гуляний и ярмарок. Сейчас пахло осенью – слетевшей наземь листвой, устлавшей эспланаду от рва до едва наметившейся новой улицы, дома на которой стояли пока лишь с одной стороны. Их окна слабо светились, и эта цепочка блеклых желтоватых пятнышек казалась подвешенной в небе.

Вся Рига садилась ужинать. Один только начальник генерал-губернаторской канцелярии тащился на Романовну (ее немецкого названия он еще не знал). И когда удастся сесть за стол – неведомо.

По дороге он думал, как бы выманить из морозовского дома субретку Маврушку. Не являться же за ней во всем блеске своего чина. Решил – как полагается персонажу в комедии – найдет способ, когда пробьет час выходить на сцену. Самое забавное, что так оно и получилось.

Он увидел Маврушку, выходящую из калитки с корзинкой на сгибе локтя. Она сама куталась в большую серую шаль и корзинку также кутала.

Извозчик по его приказу нагнал горничную.

– Тебя подвезти, голубушка? – спросил Маликульмульк.

Маврушка резко обернулась и совсем по-дружески улыбнулась ему.

– Мне вас, сударь, Бог послал.

– Ну так полезай сюда. Куда тебя везти?

– На Родниковую.

– К Дивовым?

– К кому ж еще?

Корзинку она поставила на колени. Косолапый Жанно принялся – запах соленых огурцов забивал ароматы прочей снеди. Горничная тайком снабжала бывшую хозяйку провиантом. Любопытно, как это преподносилось старому упрямому свекру? Но пора было выходить на сцену проницательному наблюдателю.

– Я обещал тебе, что узнаю имена злодеев, из-за которых пропали Михаила Дивов и Никишка, – сказал Маликульмульк. – Мне сообщили несколько имен, я их сейчас скажу, а ты вспоминай, голубушка, не слыхала ли их от бывшего барина или подлеца Никишки.

И он перечислил, но уже не пятерых, а шестерых: графиня де Гаше, Эмилия фон Ливен, Иоганн Мей, Леонард Теофраст фон Димшиц, Андреас фон Гомберг и неизвестно кто фон Дишлер.

– Графиня де Гаше, – сразу сказала Маврушка. – Но она добрая барыня, она хотела барина от карт отвадить.

– Не было ли меж ними чего?

– Да она ему в матери годится!

– Как вышло, что она с тобой познакомилась?

– Она со мной незнакомилась вовсе, а присылала ко мне одного господина. Он просил, чтобы я госпожу Дивову уговорила к ней в услужение пойти. А она дама богатая! Я, подумала: коли молодой барин сгинул, да денег нет, да старый барин – что твой кощей, может, ей бы гордость свою спрятать и доброй барыне послужить? И даже не горничной – а так... для разговоров... Это же не стыдно! Вон раньше и мы в гости езжали, и к нам езжали, так при многих барынях такие дамы живут! И все премного довольны!

Маврушка говорила, а Косолапый Жанно внимал запаху соленых огурцов. Ядреные, наверно, были огурцы, хрусткие, и смородинного листа стряпуха не пожалела, и чесночком не злоупотребила.

– С графиней понятно. А кого из господ поминал молодой барин?

– Гомберга. Его часто поминал.

– И сказывал, где Гомберг живет?

– Зимой в крепости жилье снимал. Михаила Петрович к нему часто хаживал. Как задержится – так сейчас и ясно: у Гомберга.

– Там же и в карты играли?

Маврушка задумалась.

– Почему мне знать? – спросила она. – Может, и там...

– А Гомберг у вас бывал? Когда еще на Мельничной жили?

– Бывал.

– И что? Каков собой? Да ты не бойся, я ведь прямо сказал: хочу Дивовым помочь.

– Собой-то он хорош... – с подозрительной тоской в голосе отвечала Маврушка. – Как картинка с табакерки... Стой! Вот тут я сойду.

– Я подожду тебя и отвезу обратно, – пообещал мудрый Маликульмульк.

Ибо даже в комедии минувшего века, где характеры просты, а вся прелесть – в сатире, трудно было бы найти в пятнадцатитысячном городе молодца по такой примете, как сходство с неизвестно какой картинкой.

Маврушка со своей корзинкой скользнула в калитку. Видимо, у нее был уговор с госпожой Дивовой. Маликульмульк, задрав голову, разглядывал дивовское окошко – не мелькнет ли кто?

Родниковая улица была довольно широка, чтобы разъехались два экипажа. Но извозчика окликнул сзади басовитый голос, попросил подать чуть правее, а то будет неладно. Дрожки прокатили вперед, а Маликульмульк, охотник созерцать и примечать, обернулся.

К дому, стоявшему почти напротив дивовского, подъехал наемный экипаж. Это был хороший дом, недавно построенный, и, судя по свету в окнах, свечек там не берегли. Именно этот свет падал на крыльцо. Из экипажа вышел кавалер в длинном плаще и вывел даму.

И даже не то чтобы вывел – она выпрыгнула, едва коснувшись пальцами его протянутой руки. При этом с плеч ее соскользнула шаль, и стал виден тонкий, тоньше некуда, стан, охваченный узким, слегка расширенным книзу светлым платьем.

Нельзя сказать, что эта французская мода совсем уж не нравилась Маликульмульку. По крайней мере ее откровенность была лучше, чем причудливость прошлой моды, с ее широкими юбками, затянутыми талиями и всяческой батистово-кружевной суетой вокруг полуприкрытого бюста. Платьица на манер ночных сорочек, подпоясанные под самой грудью, казались забавными и показывали каждое движение стана; кроме того, наконец-то кавалер видел бедра и ноги дамы, к которой проявил интерес, и это стало тяжким испытанием для всех задастых и кривоногих дам, лишенных великолепной своей союзницы, широкой юбки на фижмах. Но Маликульмульк, глядя на новомодных красоток, отчетливо понимал, насколько устарели все подробности в «Почте духов». Вот выйдет второе издание – а читать его будут, как исторический трактат, спрашивая у бабок, что такое «фуро» и «тупей алакроше». А всего лишь двенадцать лет прошло с выхода в свет первой тетрадки журнала – той самой, где Прозерпина привозит в ад французские модные тряпки. Двенадцать лет, а свет не узнать...

И самый отчаянный возмутитель спокойствия, взбаламутивший весь Санкт-Петербург (по крайней мере сам он так считал), вдруг оказался начальником канцелярии. Генерал-губернаторской канцелярии в провинциальном городе. А другой не менее отчаянный баламут, с которым вместе и «Зрителя» издавали, и «Меркурия», ныне цензор русских пьес при дирекции императорских театров. Цензор! Сашка Клушин, язвительнейший сатирик, – цензор!..

Высокая тонкая дама, что появилась из экипажа, очевидно, была невесома – так легко перенеслась от подножки к крыльцу, оставив за собой кавалера. Она обернулась, словно желая убедиться в его присутствии, и Маликульмульк увидел ее лицо.

Он мало значения придавал женской красоте, но понял ясно – этой даме лучше бы всегда поворачиваться к кавалерам спиной. У нее был короткий вздернутый нос и глаза навывкате – точь-в-точь как у мопса. К тому же, глядя на нее сбоку или сзади, хотелось предположить лицо столь же удлиненное, как линии тела и тонкие изящные руки. Так нет же – лицо скорее можно было назвать мордочкой, которую шутница-Природа позаимствовала у какой-нибудь карлицы. Небольшое круглое личико на длинной красивой шее гляделось очень странно – Маликульмульк поневоле вспомнил о маскарадной полумаске, отороченной черным кружевом, они сейчас явилась бы очень кстати.

Кавалер стремительно последовал за дамой и успел открыть ей дверь. Она шагнула в сени, он же остался на крыльце. Человек, сидевший рядом с кучером, слез, достал из экипажа баул, поставил наземь, достал другой баул и внес их оба в дом. Тогда только кавалер отпустил экипаж и сам вошел в сени. Дверь захлопнулась.

Маликульмульк обернулся в надежде увидеть Маврушку – и она действительно стояла у калитки, уже без своей корзинки. Маликульмульк позвал ее жестом, она быстро подошла и забралась в дрожки. Вид у нее был озабоченный.

– На Романовку, – сказал извозчику Маликульмульк и повернулся к Маврушке. – Ну что, голубушка, будет дальше вспоминать? Какие имена ты слышала кроме графини де Гаше и фон Гомберга?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.